

Б.В. Соколов

КРАСНЫЙ БОНАПАРТ

Жизнь и смерть Михаила Тухачевского

• ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА •

Военно-историческая библиотека (Вече)

Борис Соколов

**Красный Бонапарт. Жизнь и
смерть Михаила Тухачевского**

«ВЕЧЕ»

2023

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6-8

Соколов Б. В.

Красный Бонапарт. Жизнь и смерть Михаила Тухачевского /
Б. В. Соколов — «ВЕЧЕ», 2023 — (Военно-историческая
библиотека (Вече))

ISBN 978-5-4484-8935-8

Пожалуй, ни один Маршал Советского Союза не удостоивался как при жизни, так и после смерти столь разнообразных и противоречивых оценок, как М.Н. Тухачевский. Его блистательная карьера и трагическая гибель поражали воображение современников и продолжают вызывать устойчивый интерес и вопросы и в наши дни. Ответить на них поможет книга известного историка Бориса Соколова. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-4484-8935-8

© Соколов Б. В., 2023
© ВЕЧЕ, 2023

Содержание

Предисловие	6
Глава первая	8
Глава вторая	16
Глава третья	22
Глава четвертая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Борис Соколов
Красный Бонапарт. Жизнь и
смерть Михаила Тухачевского

Военно-историческая библиотека

© Соколов Б.В., 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

Предисловие

В разные годы этого человека называли по-разному. То «красным Наполеоном» или «советским Бонапартом», то «врагом народа», то «извергом из бухаринско-троцкистской банды», то видным полководцем, безвинно погибшим в эпоху культа личности Сталина, то «красным маршалом», достигшим самых выдающихся успехов в борьбе против Колчака и Деникина, то «кровавым маршалом», отличившимся лишь в войне против крестьян Тамбовщины и ничем не обогатившим военную науку. Его имя обросло толстым слоем легенд, домыслов, версий, романтических историй. Апологетика сменилась грозным приговором и многолетней «фигурой умолчания». Потом опять появились биографии в стиле жития невинно убиенного мученика, а в самые последние годы – публикации, в которых канонизированный было маршал снова превращается чуть ли не в дьявола в человеческом обличье. Кто же этот многоликий Янус, что в его жизнеописаниях правда, а что – ложь?

Свояченица Тухачевского, двоюродная сестра его второй жены и супруга близкого друга Михаила Николаевича, расстрелянного вместе с ним, после Второй мировой войны смогла эмигрировать на Запад. Там, укрывшись под именем Лидии Норд (далее мы узнаем, кто именно стоял за этим псевдонимом), она в 1957 году опубликовала в парижском журнале «Возрождение» биографию «красного маршала», где попыталась ответить на вопрос, почему этот незаурядный человек породил так много споров и мифов. Вот что она писала: «Пожалуй, ни о ком не сплеталось столько «легенд», как о нем. Туманные, часто противоречивые – они распространялись с двух сторон. В среду офицеров гвардии Тухачевский вошел только за несколько месяцев до Первой мировой войны: фактически в царской армии его знали очень немногие – офицеры лейб-гвардии Семеновского полка, начальство и преподаватели Московского Александровского военного училища, да его товарищи по училищу и корпусу. Но в те времена вряд ли кто особенно интересовался внутренним миром юнкера, а после – молодого поручика. О Тухачевском заговорили тогда, когда он выдвинулся во время Гражданской войны как выдающийся красный командарм. Старая военная среда считала его ренегатом и выскочкой. Большинство, обсуждая его личные качества, говорили со слов других и редко беспристрастно... Так складывались породившие плохую славу легенды...»

В Красной армии он, несмотря на все заслуги перед революцией, оставался «бывшим гвардейским офицером – человеком чужой среды. Люди, расположенные к нему, старались прибавить к его биографии и личным качествам побольше такого, что могло приблизить его к «пролетарскому обществу»... Другие выискивали в молодом красном генерале «гвардейские замашки», и все те недостатки, которыми, по их мнению, обладали все люди с «голубой кровью», и если не находили их, то выдумывали. Так рождались легенды другого сорта».

Словом, чужой среди своих, но и не свой среди чужих... В лагере белой эмиграции Тухачевского считали беспринципным карьеристом, готовым проливать чью угодно кровь ради достижения очередной ступеньки военной иерархии. В СССР, напротив, складывался культ самого молодого командующего армией и фронтом в Гражданской войне, заслужившего лавры победителя Колчака и Деникина. Но подспудно у многих коллег, а особенно у партийных вождей, всегда присутствовала аналогия между молодым офицером, ставшим большевиком через несколько месяцев после революции, и поручиком-корсиканцем, начинавшим как якобинец, а в конечном счете ставшим могильщиком Великой французской революции...

Постараемся же понять, где истина, где красивая легенда, рожденная любовью, а где злобный навет – следствие зависти соперников или ненависти побежденных. Наша задача трудна. Документов о жизни Тухачевского до сих пор опубликовано очень мало. Большинство близких ему людей не уцелели в лавине репрессий, последовавшей за делом о «военно-фашистском заговоре». Почти ничего не известно о трех женах маршала, о его личной жизни. В Совет-

ском Союзе в 60-е годы, когда в связи с реабилитацией о Тухачевском заговорили вновь, после четвертьвекового молчания, вспоминать о женах великих людей (если жен было больше, чем одна), а тем более о любовницах, считалось дурным тоном. Поэтому мемуары чаще всего выходили пресными, а их герой больше напоминал икону, чем живого человека. На исходе же 80-х и в 90-е годы Тухачевского стали рисовать преимущественно черным, припомнив ему не только Варшаву, но и Кронштадт с Тамбовом. Некоторые историки и публицисты вообще отказали ему в каких-либо полководческих способностях и выдвинули тезис, что расстрел Тухачевского и его товарищей, независимо от справедливости предъявленных обвинений, по сути, явился благом для Красной армии, поскольку расчистил путь к высшим должностям Жукову, Рокоссовскому, Коневу, Василевскому и другим генералам и маршалам – победителям в Великой Отечественной войне.

Я же постараюсь, дорогой читатель, показать Тухачевского во всей сложности и противоречивости его необыкновенной натуры. Мой герой не был бездушной машиной, но и излишней рефлексией не страдал. Знал крупные победы и не менее крупные поражения. Храбро держал себя под неприятельскими пулями, но смалодушничал перед лицом скорого и неправого суда. Стяжал славу выдающегося полководца и не менее выдающегося карателя. Не верил и верил в Бога, как верил и не верил в большевизм и мировую пролетарскую революцию. Любил общество музыкантов, артистов, композиторов, сам делал скрипки и играл на них, и одновременно с увлечением разрабатывал планы газовых атак против восставших от голода и безысходности тамбовских крестьян. Полюбишь ли ты, читатель, Тухачевского, или проклянешь его, когда закроешь эту книгу? Не знаю. Надеюсь лишь, что ты сможешь больше узнать об одном из самых ярких персонажей трагической истории России XX века.

В заключение этого несколько затянувшегося предисловия хочу принести свою искреннюю благодарность П.А. Аптекарю и А.В. Мартынову за предоставленные материалы и ценные советы в процессе работы над книгой.

Глава первая

Детство и юность

Михаил Тухачевский родился 4/16 февраля 1893 года в помещичьем имении Александровское Дорогобужского уезда Смоленской губернии – 200 десятин заложённой-перезаложённой, не слишком плодородной земли. Тухачевские были сильно обедневшими дворянами, с трудом сводившими концы с концами. Мать Тухачевского, Мавра Петровна Милохова (другой вариант написания фамилии – Милехова), сама была из крестьян села Княжино. Отец ее от бедности вынужден был отдать одну из пяти дочерей в услужение помещице-вдове Софье Валентиновне Тухачевской. В Мавру влюбился сын вдовы, Николай Николаевич, к тому времени – единственный оставшийся в живых мужчина в древнем роду. От брака дворянина и крестьянки родился будущий маршал. Михаил был третьим ребенком в семье. Ранее, в 1890 году, появился на свет его старший брат Николай, а в 1892 году – старшая сестра Надежда. Позднее, в 1895 году, родился младший из братьев, Александр, а позднее – младшие сестры Мария, Софья, Елизавета, Ольга и младший брат Игорь.

Происхождение рода Тухачевских окутано легендами в не меньшей степени, чем его трагический конец. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона о Тухачевских говорится следующее: «Дворянский род, происходящий, по сказаниям старинных родословцев, от выехавшего в Чернигов из цесарской земли при вел. кн. Мстиславе Владимировиче графа Индриса, в крещении Константина. Его потомки в XV в. переселились из Чернигова в Москву и приняли фамилию Тухачевские. В XVI и XVII в. Тухачевские служили по Брянску, а во второй половине XVII в. были стольниками, стряпчими и т. п. Николай Сергеевич (1764–1832) был тульским губернатором, его сын Николай Николаевич – наказным атаманом донского казачьего войска (1846). Род Тухачевских внесен в VI часть родословной книги Московской губернии».

К этой довольно скупой справке можно добавить, что, по семейным преданиям, легендарный основоположник рода Тухачевских граф Индрис был венгерского происхождения. Любопытно, что эта легендарная личность считалась родоначальником не только Тухачевских, но и еще трех русских дворянских фамилий, в том числе такой знаменитой, как Толстые, давшей России и миру трех великих писателей – Алексея Константиновича, Льва Николаевича и Алексея Николаевича. В том же «Брокгаузе и Ефроне» о Толстых читаем: «Графский и дворянский род, происходящий, по сказаниям старинных родословцев, от мужа честна Индриса, выехавшего, «из немец», из цесарской земли, в Чернигов в 1353 г., с двумя сыновьями и дружиною из трех тысяч человек; он крестился, получил имя Леонтия и был родоначальником нескольких дворянских фамилий. Его правнук, Андрей Харитонович, переселился из Чернигова в Москву и, получив от вел. кн. Василия Темного прозвище Толстой, стал родоначальником Т.». Заманчиво предположить, что граф Индрис обладал литературными способностями, передавшимися его потомкам. Тухачевский, конечно, не Толстой, однако его приказы, выступления и статьи отличаются определенным, присущим только ему, стилем и написаны хорошим русским языком, что, в частности, способствовало их популярности как среди военной, так и среди гражданской публики.

Более подробные сведения о происхождении родов Толстых и Тухачевского можно найти в капитальном труде Н.И. Гусева «Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии». Там цитируется «старинный родословец» – роспись, которую в 1686 году Толстые вместе со многими другими служилыми людьми подали в Палату родословных дел Разрядного приказа: «В лета 6861-го (то есть в 1352 или 1353 году от Р.Х. – Б.С.) прииде из немец ис цесарского государства муж честного рода именем Индрос з двумя сыны своиа с Литвонисом да с Зигмон-

теном а с ними пришло дружины и людей их три тысячи мужей и крестися Индрос и дети его в Чернигове в православную христианскую веру и нарекоша им имена Индросу Леонтием а сыном его Литвонису Константином а Зигмонтену Федором; и от Константина родился сын Харитон а Федор умер бездетен, о сем пишет в летописце Черниговском». Первый граф Толстой, Петр Андреевич, один из славных «птенцов гнезда Петрова», который, скорее всего, и составил роспись, в своей автобиографии прямо писал: «В лето 1352-е прародитель мой выехал из Германии в Российское государство».

Далее в толстовской росписи сообщалось, что правнук Индроса Андрей Харитонович «приехал из Чернигова к Москве к великому князю Василию Васильевичу всея России. И великий князь Василий Васильевич всея России прозвал его Толстым, с того пошли Толстые».

Таким образом, имя у прародителей Тухачевских и Толстых практически одинаковое, Индрис-Индрос, что с большой долей уверенности говорит, что это был один и тот же человек. Но вот о времени его появления в Черниговской земле родовые предания сообщают по-разному. Если учесть, что Мстислав Владимирович был черниговским князем в 1026–1036 годах, то в венгерское происхождение Индриса верится с трудом. Ведь тогда Венгрия в «цесарскую землю», то есть «Священную Римскую империю германской нации» еще не входила. Больше доверия заслуживает толстовская версия о появлении Индроса с сыновьями и дружиной в Чернигове в 1352 или 1353 годах. Правда, Черниговская летопись, на которую ссылаются Толстые, до нас не дошла, и вообще нет никаких данных, что после разгрома Чернигова татарами в 1239 году и фактической гибели княжества там велось хоть какое-то летописание. Возможно, это обстоятельство и побудило Тухачевских отнести прибытие Индриса в Чернигов к домонгольской эпохе. Но в этом случае совершенно непонятно, что делали потомки Индриса целых четыреста лет, до времен Василия Темного, когда их имена появляются, наконец, в русских летописях, грамотах и разрядных книгах.

Что же касается мнения о том, что Индрис был выходцем из Германии, то оно не более основательно, чем мысль о его венгерском происхождении. Недаром С.М. Соловьев в «Истории России с древнейших времен» считал почти все родословные росписи «сочиненными», а советский историк С.Б. Веселовский несколько дипломатичнее говорил о «злоупотреблении вымыслом» в генеалогических сочинениях.

Если верно предание, что предок Тухачевских прибыл из Чернигова в Москву в XV веке, в княжение Василия Темного, то можно предположить, что он был братом того, кого великий князь наградил прозвищем Толстой (видно, по причине тучности и чревоугодия). В ту пору Черниговская земля входила в состав Великого княжества Литовского, где православные были ущемлены в правах по сравнению с католиками. Поэтому многие православные шляхтичи предпочитали отъезжать к московским великим князьям, рассчитывая, что служить у единоверцев будет легче.

Впрочем, не исключено, что Тухачевские просто приписали себе иноземное происхождение, в чем были отнюдь не оригинальны. Когда в 1686 году вместе с Толстыми и Тухачевскими родословные росписи подали еще 540 служилых (некняжеских) родов, только 35 из них признали себя исконно русскими. Остальные же в качестве родоначальников указали именитых иноземцев из Пруссии и Польши, Литвы и Венгрии, Англии и Швеции, Франции и Сербии, Золотой Орды и «Турции», «из гор черкасских» и Персидского царства. Справедливости ради надо заметить, что значительная часть российских дворянских родов, включая, наверное, и все 35 «исконных», действительно происходили от пришельцев – варягов-руси, то есть Рюрика с его дружиной. Однако в конце XVII века норманнской теории происхождения русских князей еще не существовало. «Бархатная книга» русского дворянства, для которой и собирал родословные росписи Разрядный приказ, считала Рюрика потомком в 14-м колене брата римского императора Августа, легендарного основателя Прусской земли Пруса.

Следующая за Рюриковичами династия Романовых тоже нашла среди своих предков знатного иноземца – а именно некоего Гланду Камбилу, выехавшего из Прусской земли. Вслед за царями боярские и дворянские роды принялись спешно подбирать себе в основоположники мифических иностранцев. Бестужевы, например, считали своим предком некоего англичанина Беста, явно из лучших побуждений (best по-английски и значит «лучший»). Но в данном случае обман выдает фамилия. «Бестужий» по-древнерусски значило то же, что современное слово «бесстыжий». Очень уж хотелось облагородить это обидное прозвище, да еще и удревить род, что, между прочим, имело не последнее значение при местнических спорах о получении должностей («мест») на государственной службе, когда учитывалось происхождение и служебное положение предков. Похоже, с Тухачевскими и графом Индрисом случилась такая же история.

В имени основателя рода и правда можно уловить германский корень. В русских летописях и грамотах мы найдем несколько реально существовавших лиц с похожим именем Индрик, причем почти все они – выходцы из Скандинавии. Так, в конце XVI века упоминаются шведские воеводы Индрик Ирик (Хендрик Эрик) и Индрик Бискупов, разбитые русскими казаками, а еще раньше, во время Ливонской войны, последний магистр Ливонского ордена Готтард Кетлер прислал в 1558 году к Ивану Грозному некоего Индрика, пытаясь достичь мира. Не исключено, что предок Тухачевских и Толстых тоже был скандинавского происхождения и носил имя Хендрик. Затем он нанялся на службу к какому-то феодалу в Великом княжестве Литовском, и в Литве его имя приобрело литовское окончание, а на Руси трансформировалось в Индроса-Индриса. Но вот откуда его потомки приобрели фамилию Тухачевские? Ведь она действительно редкая и все ее носители в конечном счете принадлежат к одному и тому же роду.

Сразу отмечу, что что-то венгерское при желании в ней можно расслышать. Хотя бы по аналогии с венгерским городом Мохач; правда, его название на самом деле тюркское, от побывавших на территории Венгрии половцев (можно вспомнить и боснийский Бихач – наследие Оттоманской империи). Так что Индрис или его потомки могли породниться с литовскими татарами (а возможно, уже на Руси – с выходцами из Золотой Орды) или с потомками хазар караимами, составлявшими гвардию литовских князей. Скорее всего, фамилия Тухачевских происходит от тюркского слова «тухачи», означающего «знаменосец, вестник или рассыльный».

Сама форма окончания фамилии также указывает, что ее носители были выходцами из Литвы, как и князья Массальские, Трубецкие, Глинские. Как и другие перешедшие в православие польские и литовские шляхтичи, Тухачевские быстро обрусели, и в XVI веке, когда их службу можно уже проследить по разрядным книгам, в этническом отношении вряд ли выделялись из основной массы русского дворянства.

Чтобы покончить с генеалогией, приведу еще одну, на этот раз уже совершенно легендарную версию происхождения графа Индриса. Он якобы по прямой линии происходит от одного из предводителей Первого крестового похода графа Фландрского Балдуина I, сперва правившего отвоеванной у мусульман Эдессой, а в 1100 году ставшего королем созданного крестоносцами Иерусалимского королевства. Один из его потомков не нашел ничего лучшего как наняться на службу в Литву, где и получил во владение деревню Тухачево, местоположение которой, правда, до сегодняшнего дня так и не установлено.

Наследник древнего рода Николай Николаевич Тухачевский был добрым, но непрактичным человеком. Дочери Екатерина и Ольга утверждают, что отец «был передовых для своего времени воззрений, свободным от дворянской спеси». Что свободным от сословных предрассудков – сомневаться не приходится, поскольку женился на бедной крестьянке. Женился по большой любви, да и было за что любить. Как это произошло, вспоминал доживший до 60-х годов XX столетия Абрам Петрович Косолапов, служивший в Александровском хлебопеком: «Жил в ту пору в нашем селе Княжнино бедный мужик, звали его Петр Прохорович Миле-

хов. И вот у него, у этого бедного мужика, было пятеро дочерей и все они... были красавицы. Хоть Аксинья, хоть Настя с Ольгой, хоть и Аленушка... Ну а Мавра, так про эту и говорить нечего, красавица: что ростом, что статью, что лицом. И разбитная, хоть она и грамоте тогда еще не знала, ну а так, ежели поговорить с кем, то другая грамотная с ней не сравняется... Она работала у Тухачевских в имении, и Николай Николаевич полюбил ее. Бывало, стоит, смотрит на Мавру и все улыбается... Конечно, старше ее годами, а так сам по себе – ничего, рослый, чернявый, только глаза были какие-то утомленные. Софья Алевтиновна понимала, что ее Коленька влюбился в Маврушу, она ведь женщина была зоркая...» Родители Мавры наверняка радовались, что дочка столь удачно вышла замуж, поднялась из беспросветной бедности к достатку, который Милоховым и не снился. Однако относительное благосостояние Тухачевских сохранялось очень недолго. И виной этому был сам Николай Николаевич.

Ольга Николаевна вспоминала: «Отец не выносил пьянства. Дома никогда не подавалось вино, даже рюмок не было. Он обожал лошадей, бега и скачки». Нелюбовь к спиртному Михаил унаследовал от отца. Всю жизнь пил очень умеренно, предпочитая хороший коньяк. Этим он разительно отличался от многих сослуживцев по царской и Красной армиям. Например, прославленный впоследствии маршал Георгий Константинович Жуков в конце 20-х, будучи еще простым командиром полка, получил «строгача с занесением» не только за банальную «аморалку» (тогда за него боролись первая и вторая жены из четырех), но и за столь же банальное пьянство. А вот на Тухачевском, как и на его отце, этого греха не было. Только трезвость не спасала Николая Николаевича. Та экономия, что образовывалась благодаря экономии на спиртном, с большим избытком перекрывалась проигрышами на скачках.

К тому же в сельском хозяйстве Николай Николаевич ничего не смыслил и, будучи от природы человеком добрым, не проявлял необходимой твердости в спорах с арендаторами. Отношения с крестьянами строились довольно патриархально и по большей части в ущерб барину. Двоюродный брат Николая Николаевича полковник М.Н. Балкашин, доживая свой век в эмиграции, вспоминал: «В случае какой-либо нужды или беды – пожара, увечья, падежа скота – крестьяне шли к Тухачевским и получали ту или иную помощь. По праздникам у тетки (Софьи Валентиновны. – Б.С.) был амбулаторный прием, усадьба заполнялась всевозможными пациентами, она их сама лечила и давала лекарства. Крестьяне нещадно травили их луга и делали порубки в лесу. Когда брат их за это стыдил, говорили: «Так где же нам и взять, как не у тебя, Николай Николаевич», – и начинался обычный припев: «Мы ваши, вы наши», тем дело и кончалось. Со своей стороны, крестьяне в случае какого-либо события у Тухачевских: прорыва плотины у мельницы, лесного пожара и проч. – без всякого зова дружно приходили на помощь».

Семья, в которой родился будущий маршал, была большой. Михаил родился третьим по счету, а всего Бог наградил Николая Николаевича и его жену четырьмя сыновьями и пятью дочерьми. Мавра Петровна, по свидетельству того же Балкашина, «была прекрасной души человеком, скромная, приветливая, хорошая мать и хозяйка. Она пользовалась большим уважением соседей-помещиков и крестьян». Однако домовитость жены не могла компенсировать беспомощности мужа в хозяйственных делах. В 1898 году пришлось за долги продать Александровское, и Тухачевские перебралась в столь же расстроенное, но меньших размеров имение Софьи Валентиновны близ села Вражское в Чембарском уезде Пензенской губернии. Здесь они проявили такую же нерасчетливость в отношениях с крестьянами, как и в Александровском. Но эта непрактичность после октября 1917 года совершенно неожиданно обернулась, можно сказать, нешуточной выгодой. Сестра Михаила Ольга вспоминала об отце: «Это был прямой, чистый человек, без всяких условностей и предрассудков. Потому они и разорились и сами остались без всего. Зато после революции, когда крестьяне делили имение, то собрали сход и постановили выдать нам две коровы, две лошади, сельхозинвентарь и сказали, что они помнят, как помогали им отец и бабушка».

Бабушка Михаила была женщиной замечательной во многих отношениях. Умная, образованная Софья Валентиновна не раз бывала в Париже, лично знала Тургенева и даже будто бы послужила прототипом героини тургеневского рассказа «Вечер в Сорренто». Посещала она и музыкальные вечера у Полины Виардо. Была неплохой пианисткой, училась у самого Антона Рубинштейна, познакомилась во Франции с великим Шопеном, любила играть его произведения, а также музыку Бетховена, Листа, Моцарта. Софья Валентиновна и Николай Николаевич часто музицировали в четыре руки на рояле, на котором некогда давал концерты Рубинштейн. С ними дружил ученик Танеева и лучший знаток Скрябина Николай Сергеевич Жилиев, позднее подружившийся и с Михаилом Николаевичем, с которым сохранил на всю жизнь самые добрые отношения и разделил трагическую судьбу. Через Жилиева Тухачевский познакомился с первым в своей жизни большевиком – музыковедом Николаем Николаевичем Кулябко, также ставшим его другом и сыгравшим немаловажную роль на начальном этапе военной карьеры «красного Наполеона».

Михаил с ранних лет тянулся к музыке. Много лет спустя, зимой 37-го, наверное, предчувствуя скорый арест, он сказал одной из сестер: «Как я в детстве просил купить мне скрипку, а папа из-за вечного безденежья не смог сделать этого. Может быть, вышел бы из меня профессиональный скрипач...» В итоге Тухачевский играл на скрипке лишь на любительском уровне. Зато проявил большой интерес к изготовлению скрипок, став единственным в мире маршалом – скрипичным мастером.

Николай Николаевич привил детям интерес не только к музыке, но и к книгам. Михаил рано научился читать и читал много, запоем. Устраивал и домашние спектакли. Сестры вспоминают: «Пьесы сочиняли сами и сами же рисовали смешные афиши. Главными действующими лицами бывали Михаил и Шура. Николай открывал и закрывал занавес, а также исполнял обязанности суфлера. Игорь играл на рояле». Потом, уже в гимназии, на смену самодеятельным пьесам пришел Чехов. В инсценировке чеховской «Хирургии» Михаил играл роль фельдшера, а в «Канители» – дьячка. В те годы эти и другие чеховские вещи входили в стандартный репертуар домашних театров. Тетка и почти что сверстник Тухачевского Михаил Булгаков в это же самое время за сотни верст от глубоко провинциальной Пензы, в цветущем, благоухающем садами Киеве, «матери городов русских», запомнился своим сестрам блестящим исполнением роли бухгалтера Хирина в другой чеховской постановке – «Юбилее».

Литературные и артистические способности Тухачевский проявлял и позже. Те, кто его знал, отмечали необыкновенное для советских военных умение держать себя в любом обществе, а также то неотразимое, почти гипнотическое впечатление, которое маршал производил на женщин. Даже прочно связав свою жизнь с армией, Тухачевский остался не чуждым литературному труду, публикуя много статей на военную тему в газетах и журналах. Бывший секретарь газеты Западного военного округа «Красноармейская правда» Н.В. Краснопольский свидетельствовал: Тухачевский «не терпел так называемого «заавторства». Неоднократные наши попытки подsunуть ему на подпись статьи, подготовленные сотрудниками редакции, отвергались с порога. Михаил Николаевич имел определенное литературное имя, свой литературный стиль, устойчивую литературную репутацию и очень дорожил этим».

Но не в литературе и искусстве увидел Тухачевский свое предназначение. С детства он мечтал стать офицером и готовил себя к тяготам военной службы. Сестры Елизавета и Ольга вспоминали: «Еще совсем маленьким Михаил пристрастился к верховой езде, упражнялся с гириями, очень любил бороться. И редко кто из сверстников мог побороть его. Брат Николай удивленно спрашивал:

– Что ты, в цирк готовишься, что ли? Зачем тебе все эти тренировки? Для чего силы копишь?

И Миша отвечал с детской непосредственностью:

– Силы нужны мне, чтобы не нуждаться в посторонней помощи, если потребуется передвинуть письменный стол или шкаф с книгами.

Эта привычка все делать самостоятельно, не прибегать без необходимости к помощи других, осталась у него на всю жизнь».

У Михаила рано проявился интерес к воинской службе. М.Н. Балкашин вспоминал: «Миша отличался особой живостью характера. С раннего детства у него была любовь к военным, все равно, будь то солдат, пришедший на вольные работы, заехавший в гости исправник или кто-либо другой, лишь бы он был в военной форме. Меня, когда я приезжал к Тухачевским юнкером, а потом офицером, он буквально обожал, сейчас же завладевал моей шашкой, шпорами и фуражкой. Заставлял меня рассказывать разные героические эпизоды из наших войн, про подвиги наших солдат и офицеров. Десятилетним мальчиком он зачитывался историей покорения Кавказа во времена Ермолова и Паскевича. В юношеском возрасте он увлекался походами и сражениями великих полководцев. Русскую военную историю он знал превосходно, преклонялся перед Петром Великим, Суворовым и Скобелевым».

Лидии Норд сам Тухачевский рассказывал, что военным делом в совсем еще юном возрасте заразился от своего двоюродного деда генерала, вояки до мозга костей: «Я всегда смотрел на него с восторгом и с уважением, слушая его рассказы о сражениях. Дед это заметил и раз, посадив меня к себе на колени, мне было тогда лет семь-восемь, он спросил: «Ну, Мишук, а кем ты хочешь быть?» – «Генералом», – не задумываясь, ответил я. «Ишь ты! – рассмеялся он. – Да ты у нас прямо Бонапарт – сразу в генералы метишь». И с тех пор дед, когда приезжал к нам, спрашивал: «Ну, Бонапарт, как дела?» С его легкой руки меня дома и прозвали Бонапартом... В Бонапарты я, конечно, не метил, а генералом, сознаюсь, мне очень хотелось стать».

Михаил продолжал заниматься гимнастикой и борьбой, наращивал силу, которая, как он был уверен, на военной службе очень пригодится. Физическая сила и готовность всегда прийти на помощь слабому придавали ему авторитет среди товарищей. Общался Михаил в основном с детьми из простой среды – сказывался привитый отцом демократизм. Кроме того, бедность не позволяла мальчику чувствовать себя на равных в компании гимназистов из состоятельных дворянских семей.

Гимназический товарищ Тухачевского Владимир Студенский вспоминал: «Наибольший интерес для нас представляла французская борьба. Как раз в эти годы в цирке начались выступления борцов, и мы, гимназисты, подражая им и называя себя именем того или иного борца, устраивали свои чемпионаты по борьбе. Миша выступал под именем Поддубного и равных себе по силе среди нас не имел. Да и ростом он значительно превосходил каждого из нас. Кроме борьбы, мы нередко занимались и поднятием тяжестей. Миша, которому тогда было около 14 лет, легко проделывал упражнения с пудовой гирей. В гимназии, используя силу Миши, мы, его товарищи, часто устраивали такое развлечение: по несколько человек навешивались на него, и он таскал нас по классу, стараясь не сбросить».

Другой одноклассник, В.Г. Украинский, подтверждает, что Тухачевский выделялся среди товарищей крепким телосложением и большой физической силой, а «по своему характеру он был тверд в решениях, держался просто, охотно делился со всеми приобретенными знаниями и пользовался среди товарищей авторитетом. Следует, однако, отметить, что он мало общался с гимназистами из аристократического и духовного общества. Ребята из простых семей, близкие к нему, ценили и уважали его... Миша любил гимнастику, был сильным... Он мог одновременно, упираясь в парту, сразу передвинуть несколько парт на некоторое расстояние. Часто боролся, и безуспешно, с гимназистами из старших классов. Вместе с тем Миша Тухачевский препятствовал тому, чтобы споры между его однокашниками заканчивались дракой или расправой над кем-нибудь. Он всегда заступался за слабых. И эти гуманные качества старался привить другим».

Похожий портрет нашего героя рисует еще один гимназист, Сергей Островский: «Михаил Николаевич... выделялся своей физической силой и выносливостью. Так, например, подставляя спину, он разрешал ударять по ней со всей силой, какой обладал каждый из нас, причем во все время этого «упражнения» улыбался. Он отличался удивительным хладнокровием и выдержкой, я не видел его рассерженным или взволнованным. По отношению к товарищам... был справедлив, никогда не пользовался превосходством своей физической силы, и слабые находили у него надежную защиту». То же самое подтверждает и Студенский: «Характером Миша был весьма общителен, хорошо относился к товарищам, которые ему платили тем же, и даже дружеское прозвище «Бегемот» явилось только выражением товарищеского поощрения, а может быть, и некоторой зависти к его силе». Бегемот – животное большое, сильное и добродушное, поэтому Михаила и наградили таким прозвищем. Оно подчеркивало еще и невероятную устойчивость Тухачевского – его, как и многотонного обитателя Нила, очень трудно было свалить с ног. С. Островский так объяснил происхождение забавного прозвища: «Был невероятно сильный, широкоплечий, мы его в шутку называли «бегемотом» – он разрешал себя бить по спине и никогда не падал». И в жизни Тухачевский был очень стойким: неудачи и неприятности никогда не могли его сломить или даже надолго вывести из душевного равновесия.

При этом люди знающие, или хотя бы те, кто читал булгаковский роман «Мастер и Маргарита», могут вспомнить, что Бегемотом звали одного из демонов. А ведь гимназиста Мишу Тухачевского много лет спустя называли «демоном Гражданской войны» – в эти слова глава Реввоенсовета Лев Троцкий вкладывал сугубо положительный смысл, подчеркивая заслуги Михаила Николаевича в разгроме белых армий. Позднее многие публицисты, не ведая о гимназической кличке, называли самого молодого красного маршала демоном уже в традиционном смысле этого слова, припоминая ему жестокость при подавлении Кронштадтского и Тамбовского восстаний. Многие верят, что имя определяет судьбу человека. Не повлияло ли на жизненный путь Тухачевского шуточное прозвище? Впрочем, гимназисты о демоне Бегемоте, вероятно, ничего не знали.

Во Вражском семья жила только летом, а зимой перебиралась в Пензу, где учились дети. По воспоминаниям соседей и друзей, в то время Тухачевские уже едва сводили концы с концами, постоянно испытывая острую нехватку денег. Михаил поступил в 1-ю пензенскую гимназию, где пробыл с 1904 по 1909 год. Учился он ни шатко ни валко. В гимназических журналах сохранились нелестные для будущего полководца записи: «Несмотря на свои способности, учился плохо»; «прилежание – 3»; «внимание – 2»; «за год пропустил 127 уроков»; «имел 3 взыскания за разговоры в классах». И так далее, и так далее. Как вспоминал одноклассник Тухачевского Сергей Степанович Островский, по уровню развития Михаил значительно превосходил подавляющее большинство сверстников, и учиться в гимназии ему было просто скучно. Хотя отдельные предметы он любил и знал их очень хорошо. Так, по-французски и по-немецки Тухачевский говорил настолько свободно, что впоследствии вызывал удивление у иностранных военных и политиков. Увлекался астрономией, вместе с братом Николаем оборудовал во Вражском метеостанцию, а вечерами любил смотреть в подзорную трубу на звездное небо, отыскивая там знакомые созвездия.

Самые серьезные проблемы возникли у него с Законом Божьим. Николай Николаевич в Бога не верил и детей воспитывал в атеистическом духе. Как вспоминали сестры, «самым воинственным безбожником стал Михаил. Он выдумывал всяческие антирелигиозные истории и подчас даже «пересаливал», невольно обижая живущую в нашем доме набожную портниху Полину Дмитриевну. Но если Полина Дмитриевна все прощала своему любимцу, мама иногда пыталась утихомирить антирелигиозный пыл расшалившегося сына. Правда, это ей не всегда удавалось. Однажды после нескольких безуспешных замечаний, рассердившись не на шутку, она вылила на голову Мише чашечку холодного чая. Тот вытерся, весело рассмеялся и про-

должал как ни в чем не бывало...» Вот уж действительно, как с гуся вода (вернее, чай). Рискну предположить, что крестьянка Мавра, даже став женой помещика-вольнодумца, веры в Бога не утратила и в глубине души тяжело переживала, что сын Михаил растет таким богохульником...

Нелюбовь Тухачевского к православию заметили и в гимназии, что грозило стать серьезным препятствием для продолжения образования. На педсовете священник жаловался: «Тухачевский Михаил не занимается Законом Божиим». По свидетельству уже упомянутого В.Г. Украинского, он «не верил в Христа и на уроках Закона Божьего допускал некоторые вольности в отношении к преподавателям. За это его несколько раз наказывали и даже удаляли из класса». Тот же мемуарист утверждает, будто гимназическое начальство только на пятом году выяснило, что Тухачевский ни разу не причащался и не был на исповеди. Отца вызвали в школу, потребовали воздействовать на сына. В результате Михаил все-таки исповедался и причастился, но оставаться в пензенской гимназии ему стало опасно – из-за сложившейся репутации «смутьяна» могли в любой момент исключить. И якобы именно поэтому родители решили перебраться в Москву, где Михаил продолжил учебу в 10-й гимназии. Не исключено, что переезд действительно был связан с желанием избежать скандала. Но могла быть и более прозаическая причина. Николай Николаевич не без основания полагал, что гимназии в Первопрестольной дают образование куда более высокого уровня, чем в Пензе. Особенно ощутимой разница становилась именно в старших классах, а дети подрастали. К тому же как раз в последнем, 4-м, классе пензенской гимназии Михаил учился особенно плохо. Здесь ему не нравилось – будущий полководец давно мечтал сменить гимназический мундир на кадетский.

Елизавета и Ольга Тухачевские так объясняют, почему брат не горел желанием грызть гранит гимназической премудрости: «С малых лет Миша просил отца отдать его в кадетский корпус, но отец был против. Он уступил этим просьбам только после того, как у Миши появились переэкзаменовки и тот дал слово учиться отлично, если ему разрешат стать кадетом. В корпусе Миша учился превосходно, переходил из класса в класс с наградами».

Тут необходимо небольшое отступление. В кадетском корпусе Тухачевский проучился всего год, в выпускном классе, и никак не мог переходить из класса в класс, с наградами или без. Зато в московской гимназии, где пробыл два года, он действительно стал учиться лучше и при переходе из класса в класс получил похвальный лист. Можно предположить, что отец поставил сыну условие: сначала доказать перемену отношения к учебе в гимназии и тем самым серьезность своих намерений, и лишь потом поступать в кадеты.

Могла быть и еще одна причина, побудившая Николая Николаевича уступить. Эту причину вполне материального свойства доходчиво изложил друг и первый советский биограф Тухачевского генерал Александр Иванович Тодорский, которому посчастливилось вернуться из ГУЛАГа живым: «Семья с трудом сводила концы с концами... Михаил заканчивал 6-й класс гимназии. До получения аттестата зрелости оставалось два года, а до выхода в люди были еще целые годы университетской учебы. Только минимум через шесть лет он мог стать на ноги... Этот срок можно было сократить наполовину, поступив в военное заведение».

Глава вторая

«Надетая на вас форма – это пожизненно»

Известный советский генерал-диссидент Петр Григоренко всего один раз был на приеме у заместителя наркома обороны маршала Тухачевского. Вот что он услышал от человека «с аристократическим, так хорошо знакомым по портретам лицом: «Запомните, что надетая на вас форма и все, что с ней связано, – это пожизненно». – Последнее слово он подчеркнул». Любовь к свободе, в конце концов, заставила Григоренко отказаться от генеральского мундира и всех привилегий, связанных с высоким званием, и сменить военную службу на правозащитную деятельность. Тухачевский же, приступив 16 августа 1911 года к занятиям в последнем, 7-м классе 1-го Московского императрицы Екатерины II кадетского корпуса, впервые надел военную форму. И уже не снимал ее вплоть до последних мгновений жизни (правда, незадолго до смерти маршалский мундир ему пришлось сменить на поношенную красноармейскую гимнастерку). В военной профессии он нашел свое жизненное призвание.

1-й Московский кадетский корпус представлял собой привилегированное заведение. Здесь хорошо было поставлено преподавание не только специальных военных, но и общеобразовательных предметов. 18-летнего юношу увлекло военное дело. Он вполне привык к спартанскому быту в стенах корпуса, охотно занимался строевой подготовкой, ходил в бойскаутские экскурсии-прогулки, будучи физически сильным и ловким, был первым в гимнастическом классе... Рассказывали даже, что Тухачевский мог, сидя в седле, подтянуться на руках вместе с лошастью.

Год выпуска Тухачевского, 1912-й, был годом столетия Отечественной войны 1812 года. Соответственно и темой выпускного сочинения у кадет стала «Отечественная война и ее герои». Им устроили экскурсию на Бородинское поле, да не простую, а в условиях, приближенных к боевым: с разведкой, марш-броском, с полевыми кухнями... Тухачевский все экзамены сдал на «отлично» и 1 июня 1912 года получил заветный аттестат. Его имя было занесено на мраморную доску почета. Еще в корпусе Михаил составил словарь пословиц и поговорок, относящихся к военному делу: «Смелый приступ – половина победы», «Бой отвагу любит», «Крепка рать воеводой», «Умей быть солдатом, чтобы быть генералом». Как видно, юный кадет продолжал мечтать о будущем генеральстве.

В бытность Михаила в кадетском корпусе умер его дед-генерал. Много лет спустя Тухачевский рассказал свояченице о его завещании: «Дед перед смертью захотел видеть меня... Когда я приехал и вошел к нему, дед указал, чтобы я сел на край кровати, и, подняв уже с трудом свою длинную и костлявую руку, положил ее мне на плечо: «Ты мне пообещай три вещи, Мишук, – сказал он. – Первое, что ты окончишь училище фельдфебелем. Второе, что будешь умеренно пить. И третье, что окончишь Академию Генерального штаба. Постарайся выйти в Семеновский полк. В Семеновском служил с начала его основания, при Петре, наш предок Михаил Артамонович Тухачевский. Вон там, в бюро, в верхнем ящике его портрет-миниатюра, я его дарю тебе, ты на него и лицом похож...» И внучатый племянник выполнил все дедовские заветы.

В августе 1912 года Тухачевский поступил в Александровское военное училище в Москве. В более престижные петербургские училища, вроде элитного Павловского, он поступать не стал: жизнь в столице империи, вдали от родителей была не по карману. Учился юнкер Тухачевский истово: надо было закончить курс одним из лучших, чтобы иметь возможность выбрать вакансию в гвардейском полку и тем самым дать хороший старт карьере. Уже в училище он особенно тщательно штудировал военные дисциплины, с прицелом на будущее

поступление в Академию Генерального штаба. Сбыться этой мечте помешали Первая мировая война и революция.

К 1912 году относится знакомство Тухачевского с большевиком Н.Н. Кулябко, вскоре переросшее в большую дружбу. Николай Николаевич окончил Гнесинское музыкальное училище и стал учиться в Консерватории у профессора Н.С. Жигяева, благодаря которому стал вхож в дом Тухачевских. Первая встреча с будущим маршалом хорошо запомнилась Кулябко: «В один из воскресных дней, когда я беседовал с двумя братьями Тухачевскими, пришел третий. Отец представил его мне. Это был Михаил Николаевич. Он только что окончил Московский кадетский корпус и поступил юнкером в Александровское военное училище... Мои политические взгляды уже определились, и я не без предубеждения отнесся к юнкеру Тухачевскому. «Будущая опора трона», – подумал я о нем. Однако не кто иной, как сам Михаил Николаевич тут же заставил меня усомниться в правильности этого моего предположения. Братья сообщили Михаилу, что они готовятся к посещению Кремлевского дворца, где обязательно будут «августейшие» особы. К моему удивлению, он встретил это сообщение довольно скептически.

– Что же, ты не пойдешь? – удивились братья.

– Меня это не очень интересует, – пожал плечами Михаил и заторопился к себе в училище.

Из дома мы вышли вместе. По дороге завели разговор о революции пятого года. Михаил с огромным интересом расспрашивал меня, и я окончательно убедился, что мой спутник – юноша серьезный, думающий, отнюдь не разделяющий верноподданнических взглядов, характерных для большинства кадетов и юнкеров.

Постепенно я все больше проникся симпатией к Михаилу Николаевичу. Наши беседы раз от разу становились все более откровенными. Михаил не скрывал своего критического отношения к самодержавию и так называемому «высшему обществу». Откуда взялось такое свободомыслие? Вероятно, сказывались прежде всего воззрения, господствовавшие в семье Тухачевских. Да и сам Михаил, будучи юношей умным, впечатлительным, не мог оставаться равнодушным ко всем тем мерзостям, которые везде и всюду сопутствовали царизму».

Сестры Тухачевского антимонархические настроения брата относили главным образом на счет влияния Кулябко. И вспоминали другой характерный случай: «Однажды во время прогулки няня повела нас посмотреть приехавшего в Москву царя. Когда Миша узнал об этом, он принялся объяснять нам, что царь – такой же человек, как всякий другой, и специально ходить смотреть на него глупо. А потом через стену мы слышали, как Михаил в разговоре с братьями называл царя идиотом».

Несомненно, отец-атеист монархистом не был и детям никакого почтения к императорской фамилии не прививал. Да и друг-большевик мог только укрепить нелюбовь Михаила к самодержавию. Но была, думается, еще одна важная причина крайне уничижительного отношения Михаила к царствующему монарху. В русском обществе тяжело переживали унижительное поражение в войне с Японией, показавшее слабость русской армии и флота. Особенно остро ощущали это в военной среде, где многие видели причину в неспособности Николая II эффективно управлять государством и быть достойным Верховным Главнокомандующим. Тухачевский, мечтавший о лаврах полководца, наверняка близко к сердцу принял неудачу в Русско-японской войне, и это укрепило его критическое отношение к самодержавию, не способному обеспечить боевую мощь русской армии.

О годах, проведенных Михаилом Николаевичем в Александровском училище, сохранились воспоминания юнкера другого училища, Алексеевского, Владимира Посторонкина. Он сражался в рядах белых и мемуары писал в 1928 году в эмиграции, в Праге, не испытывая к «красному маршалу» ни малейшей симпатии. Тем не менее то, о чем вспоминает Посторонкин, похоже на правду: «Тухачевский был фельдфебелем Александровского военного училища в

1913–1914 учебно-военном году, в то время как автор состоял юнкером Алексеевского военного училища. Совместная служба в Москве всех обучавшихся в этих двух училищах-близнецах слишком близко соприкасалась, что было связано обстоятельствами служебной подготовки по стрельбе, лагерно-полевой и тактически-маневренной. Кроме того, посещая друг друга в праздничное и внеслужебное время в стенах своих училищ, юнкера близко знакомились один с другим».

Конечно, другом Тухачевского Посторонкин не числился и даже в одном училище с ним не учился, но какое-то знакомство у них все-таки было. Да и фигурой Тухачевский был заметной, юнкера о нем много говорили, так что мемуарист мог опираться и на свидетельства однокурсников и товарищей Михаила Николаевича. И вот каким предстает Тухачевский в его глазах: «Блестяще вице-фельдфебелем окончил кадетский корпус и был назначен для прохождения курса наук в Александровское военное училище. С 1 сентября 1912 года он был зачислен в списки... юнкером 2-й роты. Отличаясь большими способностями, призванием к военному делу, рвением к несению службы, он очень скоро выделяется из среды прочих юнкеров.

19-летний юноша... быстро вживается в обстановку жизни юнкера тогдашнего времени. Дисциплинированный и преданный требованию службы, Тухачевский был скоро замечен своим начальством, но, к сожалению, не пользуется любовью своих товарищей, чему виной является он сам, сторонится окружающих и ни с кем не сближается, ограничиваясь лишь служебными, чисто официальными отношениями. Сразу, с первых же шагов Тухачевский занимает положение, которое изобличает его страстное стремление быть фельдфебелем или старшим портупей-юнкером.

На одном из тактических учений юнкер младшего курса Тухачевский проявляет себя как отличный служака, понявший смысл службы и требования долга. Будучи назначен в сторожевое охранение, он по какому-то недоразумению не был своевременно сменен и, забытый, остался на своем посту. Он простоял на посту сверх срока более часа и не пожелал смениться по приказанию, переданному им посланным юнкером.

Он был сменен самим ротным командиром, который поставил его на пост сторожевого охранения 2-й роты. На это потребовалось еще некоторое время. О Тухачевском сразу заговорили, ставили в пример его понимание обязанностей по службе и внутреннее понимание им духа уставов, на которых зиждилась эта самая служба. Его выдвинули производством в портупей-юнкера без должности, в то время как прочие еще не могли и мечтать о портупей-юнкерских нашивках».

Столь образцовому служебному рвению Посторонкин находит не слишком возвышенное объяснение, хотя и признает выдающиеся качества Тухачевского как военного: «Великолепный строевик, стрелок и инструктор, Тухачевский тянулся к «карьере», он с течением времени становился слепо преданным службе, фанатиком в достижении одной цели, поставленной им себе как руководящий принцип, – достигнуть максимума служебной карьеры, хотя бы для этого принципа пришлось рискнуть, поставить максимум-ставку».

Что ж, в конце концов, нет ничего дурного в том, что молодой одаренный (или даже не слишком одаренный) человек стремится сделать карьеру. Весь вопрос в том, какие средства он использует для достижения этой цели. Тухачевский удивлял преподавателей и юнкеров своими способностями в самых различных областях. Посторонкин вспоминал: «При переходе в старший класс он получает приз-награду за первоклассное решение экзаменационной тактической задачи (выдавалось одно из сочинений известных авторов по тактике). Далее за планомерное определение расстояний и успешную стрельбу получает благодарность по училищу. Будучи великолепным гимнастом и бесподобным фехтовальщиком, он получает первый приз на турнире училища весной 1913 года – саблю только что вводимого образца в войсках для ношения по желанию вне строя». Страсть к гимнастике Тухачевский сохранил до последних дней жизни. В его кабинете и в бытность заместителем наркома хранились гантели, с которыми

он упражнялся в коротких перерывах в работе. В целом же по воспоминаниям о юнкерских годах создается впечатление, что Михаил Николаевич был настоящим баловнем судьбы, стремящимся во всем быть первым и практически всегда этого добивавшийся. Но какой ценой?

Посторонкин свидетельствует: «По службе у него не было ни близких, ни жалости к другим... В 1913 году, уже на старшем курсе, Тухачевский был назначен фельдфебелем своей 2-й роты. Учился он очень хорошо, в среде же своих сокурсников... не пользовался ни симпатиями, ни сочувствием; все сторонились его, боялись и твердо знали, что в случае какой-либо оплошности ждать пощады нельзя, фельдфебель не покроет поступка провинившегося. С младшим курсом фельдфебель Тухачевский обращался совершенно деспотически: он наказывал самой высшей мерой взыскания за малейший проступок новичков, только что вступивших в службу и еще не свыкшихся с создавшейся служебной обстановкой и не втянувшихся в училищную жизнь. Обладая большими дисциплинарными правами, он полной мерой и в изобилии раздавал взыскания, никогда не входя в рассмотрение мотивов, побудивших то или иное упущение по службе».

Замечу, что в данном случае мемуарист обладает относительно большей объективностью стороннего наблюдателя: сам он был юнкером другого училища и от держимордских замашек фельдфебеля Тухачевского никак пострадать не мог. Тем ценнее сообщение Посторонкина о трагических результатах служебного рвения будущего «красного маршала»: «В служебной деятельности в роли фельдфебеля роты юнкеров требовательный и беспощадный Тухачевский оставил глубокий след в жизни училища: создался целый ряд конфликтов и инцидентов, имевших тогда печальные последствия. По докладу фельдфебеля два юнкера 2-й роты были переведены в Алексеевское военное училище: Немчинов Евгений за то, что позволил себе заметить фельдфебелю его излишнюю придирчивость, выразившуюся в ряде мелких замечаний, которые наконец вывели из терпения упомянутого юнкера, и отчислен из училища Маслов Георгий (впоследствии был убит в бою с немцами) за то, что не в силах выдержать режима в роте, создавшегося под действием Тухачевского, выразил желание пожаловаться на излишнюю по службе требовательность фельдфебеля, назначавшего его безоглядно на все очередные и неочередные обязанности, вредно отзывавшиеся на учебной деятельности юнкера. Эти два конфликта, в результате имевшие лишь перевод из училища в училище, закончились благополучно.

Трое же юнкеров: Красовский, Яновский и Авдеев – по докладу были переведены начальником училища генерал-майором Геништой в 3-й разряд по поведению; несчастные юноши, самолюбивые и решительные, один за другим поочередно в короткий период (в течение двух месяцев) покончили с собой. «Протекцию» для перевода в третий разряд по поведению означенным юнкерам составил исключительно фельдфебель Тухачевский».

Проступки бедняг, в общем-то, были ничтожны. Может быть, и наказание покажется не таким уж суровым, но надо принять во внимание, что, подобно Тухачевскому, юноши буквально бредили военной службой и каждое взыскание воспринимали как жизненную трагедию. Посторонкин пишет, в чем они провинились: «Красовский отправился в городской отпуск, будучи подвергнут лишению отпуска лично фельдфебелем, причем на эту крайность решился лишь после того, как фельдфебель несколько недель подряд лишал его права на отпуск. Авдеев отправился в отпуск в неформенном обмундировании, приобретенном на собственные средства, и хотя дежурный офицер не обратил никакого внимания на это обстоятельство, тем не менее фельдфебель доложил ротному командиру и настаивал на строжайшем взыскании с виновного. Яновский был доведен до самого подавленного состояния тем обстоятельством, что фельдфебель наказал его неотлучкой, не разрешил ему отправиться на свидание с приехавшей из провинции сестрой. Фельдфебель не мог отменить наложенного им взыскания, несмотря ни на какие мольбы и доводы несчастного юнкера. Яновский, оставшись в роте, застрелился в умывальной комнате, и труп его был обнаружен лишь после вечерней переклички.

Все это едва не вызвало расследований главного начальства военно-учебных заведений (вероятно, руководству училища удалось замять скандал и покрыть своеобразную «дедовщину» молодого перспективного юнкера-фельдфебеля; точно так же покрывали и даже поощряли «неуставные отношения» в советской, а потом в новой российской армии. – Б.С.). Тем не менее властный и самолюбивый, но холодный и уравновешенный Тухачевский был постоянно настороже, чутко озираясь на все, что могло бы так или иначе угрожать его служебной «карьере».

Данный эпизод решительно отвергается теми, кто знал Тухачевского уже по службе в Красной армии. Они в один голос свидетельствуют о необычайной вежливости и корректности Михаила Николаевича, о его заботе о подчиненных, всегдашней готовности помочь бойцам и командирам, в том числе в решении чисто житейских проблем, и, соответственно, о том, что в войсках Тухачевского любили. Но я думаю, тут нет противоречия. Просто в бытность в юнкерском училище Тухачевский сознавал, что в тот момент его продвижение по службе всецело зависит от начальства, а не от дружбы с однокурсниками-юнкерами. Поэтому и демонстрировал максимальную требовательность и взыскательность, чтобы отцы-командиры оценили его по достоинству и не препятствовали закончить училище первым. А это давало право свободного выбора вакансий, в том числе в гвардейские полки. Для выходца из бедной дворянской семьи, не имевшего связей среди генералитета, это был, по существу, единственный путь, обеспечивающий неплохой старт карьере. Потом же, став полководцем, он прекрасно понимал, что успех зависит от того, насколько солдаты и офицеры верят в своего командира, в его удачу и готовность заботиться о подчиненных.

Думается, что по природе Тухачевский не был злым человеком. И без особой на то нужды гадостей людям не делал, тем более их не губил. Правда, нет никаких данных, что юный фельдфебель в ту пору или впоследствии испытывал угрызения совести по поводу трех товарищей, покончивших с собой из-за его придирок. Впрочем, мы вообще очень мало знаем о Тухачевском-юнкере. Ведь подавляющее большинство сокурсников Михаила Николаевича, подобно пострадавшему от него Георгию Маслову, сложили голову в сражениях Первой мировой и Гражданской или сгинули в неизвестности в эмиграции, так и не написав воспоминаний из-за тягот жизни на чужбине. Так что свидетельство Посторонкина здесь – едва ли не единственное.

Подчеркнем, что требовательность Тухачевского к товарищам по училищу могла быть вызвана отнюдь не только соображениями карьеры, как утверждает пристрастный к Михаилу Николаевичу мемуарист. Тухачевский был, что называется, военной косточка, по-настоящему жил интересами службы, за армию – сперва царскую, а потом Красную, – буквально «болел», принимая близко к сердцу все ее заботы и проблемы. Он мечтал сделать русские войска непобедимыми, сам работал самозабвенно и того же требовал от подчиненных. Лидия Норд вспоминает, как, уже будучи заместителем наркома обороны, Тухачевский однажды позвонил в четыре часа утра начальнику артиллерии Красной армии Н.М. Роговскому, участливо осведомился: «Спали?» и, извинившись, поставил далеко не самую срочную задачу: организовать артиллерийский пробег Ленинград – Псков и обратно. А в молодые годы, в училище, Михаил Николаевич, не имея еще житейского опыта, вполне мог не соизмерять свои максималистские требования с возможными трагическими последствиями.

В училище Тухачевский впервые увидел последнего русского царя. Владимир Посторонкин так описал это знаменательное для всех юнкеров событие: «В дни Романовских торжеств (юбилейных мероприятий по случаю трехсотлетия дома Романовых в 1913 году. – Б.С.), когда Александровскому и Алексеевскому военным училищам приходилось в период приезда Государя-императора с семьей в Москву нести ответственную и тяжелую караульную службу в Кремлевском дворце, портупей-юнкер Тухачевский отменно, добросовестно и с отличием исполняет караульные обязанности, возложенные на него. Здесь же впервые Тухачевский был представлен Его величеству, обратившему внимание на службу его и особенно на действи-

тельно редкий случай для младшего юнкера получения портупей-юнкерского звания. Государь выразил свое удовольствие, ознакомившись из краткого доклада ротного командира о служебной деятельности портупей-юнкера Тухачевского».

Это свидетельство как будто противоречит утверждениям сестер Михаила Елизаветы и Ольги и его друга Николая Кулябко о его антимонархических настроениях еще в юношеские годы. Однако, если вдуматься, никакого противоречия тут нет. Ведь Посторонкин не был близко знаком с Тухачевским, и тот конечно же не мог доверить ему свои сокровенные чувства. С другой стороны, Михаил не был столь глуп, чтобы демонстрировать нелюбовь к царю, стоя в почетном карауле, хотя бы небрежным исполнением караульных обязанностей или публичной дерзостью при представлении императору. Свои обязанности он всегда исполнял образцово, тем более в столь ответственный момент юбилейных торжеств.

И в кадетском корпусе, и в юнкерском училище Тухачевский оставался убежденным атеистом, хотя, наученный горьким опытом в пензенской гимназии, уже не выказывал публично своего неверия. Известный музыковед, друг и биограф композитора и пианиста Сергея Танеева, Леонид Сабанеев, вхожий в семейство Тухачевских, свидетельствовал: Михаил был юношей «весьма самонадеянным, чувствовавшим себя рожденным для великих дел», причем порой «это у него носило характер мальчишества: он снимался в позах Наполеона, усваивал себе надменное выражение лица. По-видимому, он был лишен каких бы то ни было принципов, – тут в нем было нечто от «достоевщины», скорее от «ставрогинщины». Он видимо готовился в сверхчеловеки». Здесь под отсутствием принципов недружественно настроенный к Тухачевскому Сабанеев, несомненно, имеет в виду отсутствие религиозно-нравственных, христианских убеждений.

Глава третья

Первая мировая и германский плен

12 июля 1914 года Михаил Тухачевский закончил Александровское военное училище первым по успеваемости и дисциплине. Его произвели в подпоручики и, по правилам, предоставили свободный выбор места службы. Тухачевский, как и завещал дед-генерал, предпочел лейб-гвардии Семеновский полк. По словам дяди Тухачевского, полковника Балкашина, племянник собирался продолжить военное образование: «Он был очень способен и честолюбив, намеревался сделать военную карьеру, мечтал поступить в Академию Генерального штаба». А там, глядишь, – прямая дорога в генералы или даже, чем черт не шутит, в фельдмаршалы. Пока же свежеиспеченный подпоручик, получив 300 рублей казенных денег на экипировку – для Тухачевских сумма немалая, – отправился во Вражское в отпуск. Но отдых пришлось прервать до срока: была объявлена мобилизация, а 1 августа началась война.

Тухачевский вынужден был спешно догонять свой полк, выступивший в район Варшавы. Молодого подпоручика назначили младшим офицером (по нынешнему – заместителем командира) 7-й роты 2-го батальона. Ротой командовал опытный воин капитан Веселаго, добровольцем участвовавший еще в Русско-японской войне. Вскоре полк перебросили в район Ивангорода и Люблина против австро-венгерских войск. 2 сентября 1914 года рота Веселаго и Тухачевского под фольварком Викмундово у местечка Кржешов с боем форсировала реку Сан по подожженному австрийцами мосту, а потом благополучно вернулась на восточный берег с трофеями и пленными. Командир роты за этот подвиг получил орден Святого Георгия 4-й степени, младший офицер – орден Святого Владимира 4-й степени с мечами. Потом последовали другие бои с австрийцами и пришедшими им на помощь немецкими частями. Тухачевский отличился еще несколько раз.

Его товарищ по полку А.А. Типольт, командовавший взводом в 6-й роте того же 2-го батальона, вспоминал случай, происшедший в конце сентября или начале октября 1914 года: «Полк занимал позиции неподалеку от Кракова, по правому берегу Вислы. Немцы укрепились на господствующем левом берегу. Перед нашим батальоном посредине Вислы находился небольшой песчаный островок. Офицеры нередко говорили о том, что вот, дескать, не худо бы попасть на островок и оттуда высмотреть, как построена вражеская оборона, много ли сил у немцев... Не худо, да как это сделать? Миша Тухачевский молча слушал такие разговоры и упорно о чем-то думал. И вот однажды он раздобыл маленькую рыбацью лодчонку, борта которой едва возвышались над водой, вечером лег в нее, оттолкнулся от берега и тихо поплыл. В полном одиночестве он провел на островке всю ночь, часть утра и благополучно вернулся на наш берег, доставив те самые сведения, о которых так мечтали в полку».

Осенью 1914 года Тухачевский на пару дней вырвался к семье в Москву в связи со скорпостижной смертью отца. Сестры не успели сообщить Михаилу об этом несчастье – он сам почувствовал, что дома что-то случилось, и выбил у начальства краткосрочный отпуск. 1914 год был для Тухачевских очень несчастлив. Кроме Николая Николаевича, еще до начала войны умерли сестра Надя, талантливая художница, выпускница Строгановского училища, и брат Игорь. Двое других братьев, Николай и Александр, были призваны в армию прапорщиками в один с Михаилом Семеновский полк. Но брата там они уже не застали.

Воевал Тухачевский храбро и умело. Не обходили его и награды. Позднее, уже в Красной армии, Михаил Николаевич отметил, что за Первую мировую войну удостоился всех орденов «от Анны IV степени до Владимира IV степени включительно». Мало кто из офицеров мог похвастать таким количеством отличий к 22 годам! 5 ноября 1914 года Тухачевский в бою у местечка Скала был ранен и отправлен в госпиталь в Москву. Здесь его в последний раз встре-

тил В. Посторонкин, вспоминая, что Тухачевский «особенно восторженно говорил о своих боевых действиях, о том, что он известен уже в целой дивизии. В его глазах светился огонек затаенной досады – его заветная мечта о получении ордена Св. Георгия 4-й степени не осуществилась». Пристрастность свидетеля, стремящегося представить нам Тухачевского только как беспринципного карьериста, здесь сразу же бросается в глаза. Интересно, каким это образом Посторонкину удалось увидеть в глазах раненого подпоручика досаду, если она была «затаенной» и, как явствует из текста воспоминаний, Тухачевский в беседе с мемуаристом ни словом не обмолвился о своем недовольстве по поводу получения вместо Георгия Владимира? К тому же нет никаких данных, что младший офицер не ладил с командиром роты, завидовал ему, – в противном случае он вряд ли успел бы за полгода получить такое количество наград.

В начале 1915 года развернулись тяжелые бои в районе польского города Ломжа. О них вспоминал позднее генерал П.Н. Краснов, в Гражданскую войну ставший донским атаманом: «Шли страшные бои под Ломжей. Гвардейская пехота сгорала в них, как сгорает солома, охапками бросаемая в костер». В тех боях суждено было сгореть без остатка и роте Тухачевского. 19 февраля 1915 года Семеновский полк занимал позиции в лесу перед селением Высокие Дужи, расположенном на дороге между городами Ломжа и Кольно. Днем немцы атаковали окопы семеновцев после мощной артподготовки, но захватить их не смогли. Тогда ночью они предприняли внезапную атаку, прорвались на стыке двух рот и окружили 7-ю роту. В рукопашном бою она была уничтожена почти полностью. Оставшиеся в живых солдаты и офицеры попали в плен. Выскочившего из блиндажа капитана Веселаго немцы подняли на штыки. Впоследствии на его теле насчитали более двадцати штыковых ран. Оpoznать обезображенный труп ротного удалось только по Георгиевскому кресту – сослужила-таки награда службу. Тухачевскому повезло больше. В момент атаки он спал в неглубоком окопчике. Проснувшись, пытался организовать сопротивление своей роты, отстреливался от нападавших из револьвера, но был быстро сбит с ног, оглушен и очутился в плену. Приказом по полку от 27 февраля 1915 года Тухачевский вместе с Веселаго были объявлены погибшими. Лишь несколько месяцев спустя семья получила через Красный Крест письмо из Германии от Михаила. Мать и сестры несказанно обрадовались его «воскрешению».

Письма из плена Тухачевский писал бодрые, чтобы не волновать родных: «Жив-здоров, все благополучно». А в одной открытке с юмором сообщал: «Сегодня нам давали мед, который вкусом и цветом похож на ваксу». Из-за морской блокады со стороны Антанты население Германии вело полуголодное существование. Пленных, даже офицеров, кормили довольно скудно, нередко заменителями натуральных продуктов, вроде эрзац-кофе. Очевидно, Михаилу довелось попробовать эрзац-мед – еще один плод немецкой изобретательности в эпоху «гениально организованного голода», как называли систему жесткого нормирования продовольствия сами немцы. В письмах сестрам Тухачевский советовал перечитывать «Слово о полку Игореве», намекая, что он, подобно герою древней поэмы, готовится к бегству из плена. Но отнюдь не голод толкал Михаила Николаевича, как и многих других пленных офицеров, к побегу. Он хотел продолжать воевать, верил в победу над Германией и ее союзниками, горел желанием показать свое воинское мастерство, найти на полях сражений свой Тулон.

Лидии Норд много лет спустя Тухачевский признавался: «Войне я очень обрадовался... Мечтал о больших подвигах, а попал в плен. Но еще до плена я уже получил орден Владимира с мечами. В душе я очень гордился этим, но старательно скрывал свое чувство от других. И был уверен, что заслужу и Георгиевский крест». Это откровение, кстати, гораздо больше походит на правду, чем утверждения Посторонкина, будто награждение Владимиром с мечами Тухачевский воспринял как обиду, поскольку рассчитывал на Георгия.

Пять раз пытался Тухачевский бежать из плена. Четыре попытки окончились неудачей. Так, во время третьего побега из офицерского лагеря в Бад-Штуере Тухачевский вместе с прапорщиком Филипповым выбрался из-за колючей проволоки в ящиках с грязным бельем. Два-

дцать шесть дней добирались беглецы до голландской границы, питаясь только тем, что ночью удавалось стянуть на крестьянских огородах. Филиппову удалось уйти в Голландию, а Тухачевского у самой цели схватили германские пограничники. В конце концов его отправили в знаменитый интернациональный лагерь в 9-м форте старинной баварской крепости Ингольштадт, куда свозили со всей Германии самых неисправимых беглецов. Здесь были не только русские, но и французы, англичане, итальянцы, бельгийцы... Из казематов форта убежать было очень сложно, но Тухачевский не оставлял мысль о том, чтобы любой ценой вырваться из плена. И помогал бежать другим. Французский офицер Гойс де Мейзерак, дослужившийся потом до генерала, вспоминал, как Тухачевский согласился назваться вместо него на вечерней поверке, чтобы прикрыть побег и дать беглецу, выбравшемуся за пределы крепости в ящике из-под бисквитов, возможность выиграть первые, самые дорогие часы у погони.

Своеченице Михаил Николаевич позднее говорит: «Сидевший со мной в плену в Ингольштадте, куда меня привезли после четвертого побега, французский офицер, когда я снова начал строить планы побега, сказал: «Вы, наверное, маньяк, неужели вам не довольно неудачных попыток...» Но неудачи первых побегов меня не обескуражили, и я готовился к новому. Немцев я ненавидел, как ненавидит дрессировщиков пойманный в клетку зверь. Рассуждения моих товарищей по плену, иностранных офицеров, о причинах неудач русско-японской кампании и наших поражений в эту войну, – меня приводили в бешенство. Устав обдумывать план побега, я отдыхал тем, что мысленно реорганизовывал нашу армию, создавал другую, которая должна была поставить на колени Германию. И дать почувствовать всему миру мощь России. Я составлял планы боевых операций и вел армии в бой... Может, тогда я был на грани помешательства». Много лет спустя ему довелось воплотить свою мечту в жизнь и создать новую массовую армию, оснащенную самой передовой техникой.

В Ингольштадте у Тухачевского было немало интересных собеседников. Здесь он познакомился с французским капитаном Шарлем де Голлем, будущим генералом и президентом Франции, основателем Пятой республики, в чем-то повторившим путь Бонапарта. Де Голль, как и Тухачевский, пять раз пытался бежать из плена, но тоже неудачно. В 1920-м им вновь пришлось встретиться, уже по разные стороны баррикад, на Висле, где Тухачевский командовал наступавшим на Варшаву Западным фронтом, а де Голль, офицер французской военной миссии в Польше, возглавлял польский пехотный отряд, подкрепленный несколькими танками. Впоследствии де Голль тепло вспоминал о молодом симпатичном подпоручике-гвардейце, поразившем его энергией и дерзостью как в 9-м форте Ингольштадта, так и на поле битвы под Варшавой.

Другой француз, Реми Рур, под псевдонимом Пьер Фервак опубликовавший в 1928 году первую книгу о Тухачевском, в свою бытность в Ингольштадте придерживался анархических взглядов. Он много беседовал с русским подпоручиком, к которому чувствовал симпатию. Фервак и Тухачевский часто спорили. Вынужденное безделье плена побуждало искать выход в интеллектуальной игре, в бесконечных спорах о продолжающейся войне и диспутах на мировые темы. Французский офицер свидетельствовал позднее: «Спорили о христианстве и Боге, искусстве и литературе, о Бетховене, о России и «русской душе», о русской интеллигенции. Молодой русский офицер оказался заядлым спорщиком. Французы даже переделали в шутку его фамилию на Тушатусского (от «*touché-a-tout*» буквально: «касаться всего», что призвано было также подчеркнуть обширную, хотя и поверхностную эрудицию Тухачевского. – Б.С.)». Тухачевский говорил Ферваку: «Чувство меры, являющееся для Запада обязательным качеством, у нас в России – крупнейший недостаток. Нам нужны отчаянная богатырская сила, восточная хитрость и варварское дыхание Петра Великого. Поэтому к нам больше всего подходит одеяние диктатуры. Латинская и греческая культура – это не для нас! Я считаю Ренессанс наравне с христианством одним из несчастий человечества... Гармонию и меру – вот что нужно уничтожить прежде всего!»

По словам Фервака, Тухачевский называл себя футуристом и только в футуризме и близком к нему дадаизме видел будущее искусства. Что не мешало ему преклоняться перед Бетховеном. Именно с «великим глухим» сравнивал Тухачевский свою Родину: «Россия похожа на этого великого и несчастного музыканта. Она еще не знает, какую симфонию подарит миру, поскольку не знает и самое себя. Она пока глуха, но увидите – в один прекрасный день все будут поражены ею...» Мечты о военных подвигах закономерно предполагали и веру в величие России – иначе страна не будет иметь сильной армии, а без мощных вооруженных сил в своем распоряжении никому еще не удавалось стать великим полководцем. Тухачевский же явно грезил о лаврах Наполеона.

Тем временем в России назревала революция. Несмотря на скудость доходившей до узников информации оттуда (только из германских газет), Тухачевский ее предчувствовал. Незадолго до февраля 1917 года он поделился с Ферваком своими мыслями о будущем российской монархии: «Вот вчера мы, русские офицеры, пили за здоровье русского императора. А быть может, этот обед был поминальным. Наш император – недалекий человек... И многим офицерам надоел нынешний режим... Однако и конституционный режим на западный манер был бы концом России. России нужна твердая, сильная власть...»

Но саму революцию и сопровождавшее ее разложение русской армии Тухачевский сначала переживал очень тяжело. Лидии Норд он признавался: «Когда я узнал о революции и прочитал в немецкой газете о начавшемся развале армии, – я взял газету, ушел в уборную, там разорвал ее в клочки и... плакал... Да, плакал. Но той же ночью мне приснился сон, что Вел. Кн. Николай Николаевич взял армию в свои руки и формирует новые части. Сон был настолько живой и правдоподобный, что я поверил ему. Тогда мысль о побеге стала совсем неотвязчивой».

Молодой подпоручик мечтал о сильной личности, которая сможет восстановить порядок в стране и армии. Но в этом качестве он рассматривал не только бывшего Верховного главнокомандующего – великого князя Николая Николаевича, пользовавшегося уважением у значительной части офицеров, но смещенного Николаем II после неудач 1915 года. Видя слабость пришедшего на смену царю демократического Временного правительства, Тухачевский однажды сказал Ферваку: «Если Ленин окажется способным избавить Россию от хлама старых предрассудков и поможет ей стать независимой, свободной и сильной державой, я пойду за ним». А в другой раз еще более определенно заявил: «Я выбираю марксизм!»

Как-то вечером Фервак с Тухачевским читали по-французски Достоевского. Когда они дошли до рассуждений писателя о будущей славянской федерации, Михаил Николаевич заявил: «Разве важно, осуществим ли мы наш идеал пропагандой или оружием? Его надо осуществить – и это главное. Задача России сейчас должна заключаться в том, чтобы ликвидировать все: отжившее искусство, устаревшие идеи, всю эту старую культуру... При помощи марксистских формул ведь можно поднять весь мир! Право народам на самоопределение! Вот магический ключ, который отворяет России двери на Восток и запирает их для Англии. Революционная Россия, проповедница борьбы классов, распространяет свои пределы далеко за пограничные линии, очерченные договорами... С красным знаменем, а не с крестом мы войдем в Византию!» А позднее добавил: «Мы выметем прах европейской цивилизации, запорошивший Россию, мы встряхнем ее, как пыльный коврик, а потом мы встряхнем весь мир!»

Как созвучно это той песне, что пели гитлеровские штурмовики в начале 30-х:

Дрожат одряхлевшие кости
Земли перед боем святым.
Сомненья и робость отбросьте!
На приступ! И мы победим!
Нет цели светлей и желаннее!

Мы вдребезги мир разобьем!
Сегодня мы взяли Германию,
А завтра – всю Землю возьмем!..
Так пусть обыватели лают —
Нам слушать их бредни смешно!
Пуškai континенты пылают,
А мы победим – все равно!..
Пусть мир превратится в руины:
Все перевернется вверх дном!
Мы – юной земли властелины —
Свой заново выстроим дом!¹

Написал эту песню, кстати сказать, тут же, в Баварии, поэт Ганс Бауман, заедаемый нищетой и тяжело переживавший унижение Германии после поражения в Первой мировой войне. Наверное, сходные переживания испытывал и Тухачевский в ингольштадтской неволе, особенно в свете известий о неудачах и разложении русской армии. О большевиках он знал еще до войны от своего друга Кулябко. Теперь их программа мировой революции и построения нового справедливого общества начинала казаться единственным средством возрождения величия России – ведь именно она должна была нести светоч великого учения всему миру! Может быть, прав Сабанеев: Тухачевского очаровал сверхчеловек Ницше, и у Достоевского, одного из его любимых писателей, Михаила привлекала не критика наполеоновского комплекса, а мысль о русском мессианстве.

Песня Баумана с поэтической точки зрения, пожалуй, будет посильнее знаменитого «Хорст Весселя» – неофициального гимна национал-социалистической партии:

Выше знамена! Смыкайте ряды!
Спокойной, твердой поступью
Шагают штурмовики.
Души товарищей, убитых
«Рот Фронтом» и реакцией,
Незримо маршируют в наших рядах.
Дорогу коричневым батальонам!
Дорогу штурмовым отрядам!
С надеждой смотрят миллионы
На свастику, несущую им хлеб и свободу...

Песню Баумана Тухачевский вряд ли когда либо слышал или читал, а вот с «Хорстом Весселем» в 30-е годы мог быть знаком. И его наверняка волновали слова о том, что знамена со свастикой должны развеяться по всему миру. Именно в Германии Гитлера Михаил Николаевич видел главного врага и к борьбе с ней готовил Красную армию. Но, по злой иронии судьбы, был расстрелян по ложному обвинению в пособничестве нацистам.

Если заменить в песне Баумана Германию Россией, то ты, мой читатель, вполне мог бы предположить, что ее распевали не члены гитлерюгенда, а комсомольцы двадцатых. Тухачевскому в Ингольштадте было 23 года, Бауману, когда он написал «Одряхлевшие кости», – 19. В обоих жила вера, что молодежи суждено разрушить старый мир одряхлевшей европейской цивилизации и построить на его руинах новый, светлый мир. Тухачевского влекло заворажающее:

¹ Перевод Льва Гинзбурга.

Весь мир насилья мы разрушим
До основания, а затем
Мы наш, мы новый мир построим.
Кто был ничем, тот станет всем!

Чтобы разрушить, требовалась мощная армия, во главе которой должны были встать вместо царских новые генералы. И один из них вполне мог в будущем повторить успех Наполеона. Думается, уже в Ингольштадте Тухачевский внутренне сделал выбор в пользу большевиков. Он предчувствовал, что правительство Керенского долго не продержится, и стремился как можно скорее, любой ценой попасть в Россию, чтобы принять участие в надвигающихся великих, поистине исторических событиях.

После Февральской революции в России начались погромы помещичьих имений и самовольный захват крестьянами дворянских земель. Некоторые офицеры в Ингольштадте, имевшие поместья, возмущались поведением «взбунтовавшейся черни». Тухачевский же горячо доказывал, что земля должна принадлежать тем, кто на ней работает. Сказывалось воспитание в демократическом духе. Да и с крестьянами, как мы помним, Тухачевские жили душа в душу, а имение во Вражском было уже столько раз заложено, что никакая экспроприация не могла нанести его владельцам большого ущерба.

В конце концов для побега представился удобный случай. На основе международного соглашения пленным разрешили прогулки в городе, при условии, что они дадут письменное обязательство не пытаться бежать во время прогулок. Находившийся вместе с Тухачевским в Ингольштадтском лагере А.В. Благодатов (впоследствии генерал-лейтенант Советской армии) следующим образом описывает обстоятельства последнего, удачного побега: «Тухачевский и его товарищ капитан Генерального штаба Чернявский сумели как-то устроить, что на их документах расписались другие. И в один из дней они оба бежали. Шестеро суток скитались беглецы по лесам и полям, скрываясь от погони. А на седьмые наткнулись на жандармов. Однако выносливый и физически крепкий Тухачевский удрал от преследователей... Через некоторое время ему удалось перейти швейцарскую границу и таким образом вернуться на Родину. А капитан Чернявский был водворен обратно в лагерь. Мы долго ничего не знали о судьбе Михаила Николаевича и очень волновались за него. Примерно через месяц после побега в одной из швейцарских газет прочитали, что на берегу Женевского озера обнаружен труп русского, умершего, по-видимому, от истощения. Почему-то все решили, что это Тухачевский. В лагере состоялась панихида. За отсутствием русского попа ее отслужил французский кюре».

На самом деле фамилия товарища, с которым вместе бежал Тухачевский, была не Чернявский, а капитан С.С. Чернивецкий. А как именно был проделан фокус с подписями, Тухачевский объяснил в письме коменданту, помеченном 10 августа 1917 года (а бежали офицеры 16 августа): «Дело в том, что слова не убежать с прогулки я не давал. Подпись моя на Ваших глазах и в присутствии французского переводчика была подделана Чернивецким, т. е. попросту им была написана моя фамилия на листе, который Вы подали ему, а я написал фамилию капитана Чернивецкого на моем листе. Таким образом, воспользовавшись Вашей небрежностью, мы все время ходили на прогулки, не связанные никаким словом. Совершенно искренне сожалею, что пришлось злоупотребить Вашей ошибкой, но события в России не позволяют колебаться».

Капитану Чернивецкому не повезло. Его поймали. Но немецкая военная юстиция оказалась достаточно гуманной. Вместо обещанной за нарушение подписки смертной казни его осудили всего лишь на три месяца ареста за подделку документов. Думаю, что и Тухачевского в случае поимки ждало примерно такое же наказание.

Так Тухачевского похоронили во второй раз. А он между тем держал путь в Париж, оттуда в Лондон, а далее – морем до Скандинавии и поездом до Петрограда. В рапорте командиру Семеновского полка Михаил Николаевич так описал свою одиссею: «Начало побега было очень неудачно. Сразу же в лесу мы наткнулись на жандарма, который нас долго преследовал. Наконец, разделившись, мы побежали с капитаном Чернивецким в разные стороны. Жандарм стал преследовать меня, но через полчаса выбился из сил и отстал... Через 9 дней я был пойман жандармом, объявился солдатом Михаилом Ивановым из лагеря Мюнстера, был помещен в лагерь Лехфельд, где отбыл наказание для солдат, и после был отправлен в лагерь Пукхейм. Там я работал вместе с солдатами три недели и наконец убежал с унтер-офицером Новиковым и солдатом Анушкевичем. Через десять ночей ходьбы они были пойманы жандармами у города Шторга, а я убежал и еще через три ночи ходьбы перешел швейцарскую границу у станции Таинген. Оттуда я следовал на Петроград через Берн, Париж, Лондон, Христианию и Стокгольм». Оставим удачливого беглеца наслаждаться свободой и сделаем небольшое мемуарное отступление.

В сентябре 1993 года, ровно через 76 лет после того как Тухачевский смог покинуть не слишком-то гостеприимный 9-й форт, мне довелось побывать на международной конференции военных историков в славном городе Ингольштадте, известном во всем мире, в том числе и в России, автомашинами концерна «Ауди» (до 1945 года – «Хорьх»). Побывали мы и в крепости, для чего пришлось преодолеть по подъемному мосту ров с водой. Здесь теперь расположен баварский военный музей. В тот день его директор, подлинный энтузиаст своего дела, радовался новому ценному приобретению: родственники фельдмаршала Вальтера Моделя передали музею его позолоченный маршальский жезл. И я невольно сравнил судьбы двух полководцев, следы которых так неожиданно пересеклись под сводами ингольштадтской крепости. Модель был одним из двух немецких фельдмаршалов, покончивших с собой в дни поражения Германии, не пережив капитуляции своих армий в Рурском котле. Вторым оказался Роберт фон Грейм – последний генерал, произведенный Гитлером в фельдмаршалы и сменивший обвиненного в измене Геринга на посту главкома люфтваффе.

Кстати говоря, за исключением Вильгельма Кейтеля, ни один германский фельдмаршал или gross-адмирал не был казнен победителями. Кейтеля же подвела «плохая должность» – начальник штаба Верховного Главнокомандования (фактически военный министр). На его совести и преступный «приказ о комиссарах», и инструкции о бесчеловечном обращении с военнопленными, и соучастие в геноциде мирного населения. Модель же в военных преступлениях не повинен. Даже тактику «выжженной земли» он проводил так, чтобы по возможности не страдало мирное население. Например, когда его 9-я армия весной 43-го оставляла Ржевско-Вяземский плацдарм, в тыл эвакуировались не только все хозяйственные запасы, но и русское население, чтобы не обрекать его на голодную смерть.

Тухачевский, как мы вскоре увидим, куда более сурово проводил тактику «выжженной земли» в Тамбовской губернии, где не только жгли крестьянские избы, но и безжалостно расстреливали их обитателей, а убежавших в леса травили ядовитыми газами. «Красному маршалу» хватало мужества спорить и с наркомом обороны Ворошиловым, и с самим Сталиным, но вот мужества избежать позорного судилища и казни, застрелиться в тот момент, когда он понял, что тучи над головой окончательно закрыли небо, не хватило. Равно как не достало смелости отвергнуть на суде фантастические обвинения и перед лицом неминуемой смерти отстаивать свою невиновность, честь и достоинство. Здесь вспоминается другой германский фельдмаршал, Эрвин фон Вицлебен, участвовавший в заговоре против Гитлера, и на суде, издевательски названном «народным», прекрасно сознавая, что его ждет, отстаивавший правоту заговорщиков и благородные цели, ими двигавшие.

У Тухачевского же понятие об офицерской чести подверглось эрозии очень рано – еще тогда, в 17-м, в Ингольштадте, когда он бежал, нарушив обещание. Комедия с подменой под-

писей дела не меняет и очень напоминает эпизод из «Мастера и Маргариты», когда при входе в ресторан Дома Грибоедова в книге посетителей. «Коровьев против фамилии «Панаев» написал «Скабичевский», а Бегемот против Скабичевского написал «Панаев». Булгаковские бесы, как и Тухачевский с Чернивецким, позаботились, чтобы их подписи стали недействительны. Кстати сказать, Михаил Афанасьевич, вполне возможно, знал историю побега Тухачевского и не слишком одобрял избранный им способ побега. Ведь третья жена Булгакова Елена Сергеевна Нюрнберг прежде была замужем за высокопоставленным военным Е.А. Шиловским, наверняка хорошо знавшим Тухачевского и историю его побега. Да и юношеское прозвище Тухачевского «Бегемот» писателю тоже могло быть известно. Тухачевский не мог не понимать, что его побег, связанный с нарушением честного офицерского слова, неизбежно вызовет ужесточение режима, в частности, запрет прогулок в город, и ухудшение положения других пленных в крепости. Его менее везучего товарища Чернявского, прежде чем вернуть в лагерь, жандармы изрядно помяли в отместку за обман. Тухачевскому же повезло. И нет никаких свидетельств, что он испытывал муки совести, подставив под удар тех, с кем делил невзгоды плена.

5/18 сентября Тухачевскому удалось перейти германо-швейцарскую границу. 29 сентября (12 октября) 1917 года истощенный голодными скитаниями, но не потерявший присутствия духа подпоручик явился к русскому военному агенту (по сегодняшней терминологии – военному атташе) генералу А.А. Игнатьеву, потом тоже перешедшему к большевикам и ставшему, наряду с Алексеем Толстым, еще одним «красным графом». Этим днем датировано письмо Игнатьева в Лондон военному агенту генералу Н.С. Ермолову: «По просьбе бежавшего из Германского плена гвардии Семеновского полка подпоручика Тухачевского мною было приказано выдать ему деньги в размере, необходимом для поездки до Лондона. Прошу также не отказать помочь ему в дальнейшем следовании».

Уже 16 октября Тухачевский оказался в Петрограде, где явился для продолжения службы в запасной батальон Семеновского полка. И тут же получил отпуск домой для поправления здоровья. Во Вражском его застало и величайшее событие в истории России XX века – Октябрьская революция, решающим образом повлиявшая на судьбу нашего героя.

Глава четвертая

«На той далекой, на гражданской»

Тухачевский вернулся в столицу 20 ноября – через двенадцать дней после взятия Зимнего и свержения правительства Керенского. Солдаты избрали молодого и решительного подпоручика командиром 7-й роты (по численности запасная рота превышала обычный пехотный батальон). В Семеновском полку было сильно влияние эсеров, большой популярностью пользовался лозунг «Вся власть Учредительному собранию!». Тухачевский, похоже, к тому времени окончательно стал на сторону победителей-большевиков. Типольт, служивший в то время в запасном батальоне того же полка, вспоминал, как вел себя его друг: «Случилось так, что моя комната превратилась в своего рода полковой клуб. Сюда набивались офицеры, унтер-офицеры, солдаты. Шум, споры, облака табачного дыма. Впечатление такое, будто все проснулось после многолетней спячки и каждый сейчас же, немедленно должен получить ответы на вопросы, терзавшие всех нас в последние месяцы. Михаил сосредоточенно прислушивался к нашей полемике, но сам высказаться не спешил. Чувствовалось, что в нем происходит напряженная внутренняя работа. Отмирали извечные, казалось, истины. Рождались новые взгляды, и он их принимал близко к сердцу. Пожалуй, именно в это время у него созревали решения, определившие его дальнейшую, всем хорошо известную судьбу».

Думаю, что Фервак в своих мемуарах не врет, и решение перейти к большевикам начало складываться у Тухачевского еще в Ингольштадте. Другое дело, что Михаил Николаевич, с присущей ему дипломатией, предпочитал не высказывать открыто свои взгляды среди офицеров и солдат родного полка, в большинстве настроенным к новой власти враждебно. Нет никаких сведений об участии Тухачевского в разгоне Учредительного собрания. Возможно, тогда он еще не действовал вместе с большевиками. А скорее всего, Тухачевского в те роковые дни в начале января 1918 года уже не было в Петрограде. О его отъезде из города в конце 17-го (сестры припоминали, что в декабре) или в самом начале 18-го года сохранились воспоминания жены командира запасного батальона Семеновского полка полковника Бржозовского Лидии, доживавшей свой век в Париже: «В 1917 году Тухачевский завтракал у нас, во флигеле Семеновского полка... Тухачевский произвел на меня самое отрадное и неизгладимое впечатление. Красивые лучистые глаза, чарующая улыбка, большая скромность и сдержанность. За завтраком муж шутил и пил за здоровье «Наполеона», на что Тухачевский только улыбался. Сам он мало пил. После завтрака мой муж, я и еще несколько наших офицеров уехали провожать его на вокзал, так как он уезжал в Москву. Одет он был в черное штатское пальто и высокую каракулеву шапку, увеличивающую его рост. После предыдущих разговоров я была полна энтузиазма и мне почему-то казалось, что он способен стать «героем». Во всяком случае он был выше толпы. Я редко ошибаюсь в людях, и мне было особенно тяжело, когда впоследствии я узнала, что он будто бы вполне искренне стал большевиком. Все же в душе оставалось сомнение, что это не так. После второго звонка, в отделении второго класса, я сказала ему, когда мы расставались: «Прощайте! Благословляю Вас на Великие Дела!» Поцеловала его в лоб и, три раза, мелко перекрестила. Он поцеловал мне руку, посмотрел на меня искренним серьезным взглядом и сказал: «Постараюсь». Поезд тронулся после третьего звонка. Тухачевский стоял у окна и смотрел серьезно и грустно на нас... Больше я его никогда не видела. В Петербург он не возвращался».

Что-то, а производить на людей приятное впечатление Михаил Николаевич умел. Вместе с тем ему хватало осторожности и такта не говорить о своем намерении служить у большевиков чете Бржозовских, явно отрицательно относившейся к советской власти. Тогда Тухачевский еще не занимал никаких значительных постов, но окружающие уже чувствовали в нем

зататки будущего «Наполеона», «героя», возносили его над «толпой». В то же время юный подпоручик, несмотря на возраст, производил впечатление человека серьезного, положительного, знающего цену себе и другим. Он нисколько не напоминал авантюриста, намеревающегося использовать революционную сумятицу для карьеры и обогащения. И женщинам Тухачевский очень нравился. Даже по воспоминаниям лишь мимолетно знавшей его Бржозовской видно, что и много лет спустя она сохранила к Тухачевскому, несмотря на его переход в противоположный лагерь, самые нежные чувства, а сцена их прощания на вокзале очень напоминает расставание двух любящих друг друга людей.

Если и был расчет при поступлении Тухачевского на службу к большевикам, то он был связан с их очень рано увиденной нашим героем способностью возродить со временем величие России и ее армии. Он искренне считал, что с Лениным, Троцким и другими большевистскими лидерами ему всегда будет по пути. Верил, что в будущем русская армия на штыках сможет принести счастье всему человечеству, и надеялся рано или поздно возглавить ее. Старая армия была мертва, Тухачевский это хорошо видел. Все надежды на возрождение вооруженных сил России подпоручик-семеновец теперь связывал с партией Ленина.

Из Петрограда Тухачевский опять вернулся во Вражское, где помогал матери и сестрам по хозяйству, в частности, заготовил достаточно дров, чтобы семья могла пережить суровую зиму. В Москву он прибыл в начале марта 1918 года, практически одновременно с бежавшим сюда из Петрограда от наступления немцев советским правительством. О начале карьеры молодого офицера при новой власти сохранились противоречивые свидетельства. Близкий друг Тухачевского Н.Н. Кулябко утверждал: «Мы встретились вновь лишь в марте 1918 года. Он уже успел поработать в Военном отделе ВЦИКа. А меня IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов избрал членом ВЦИКа. После переезда правительства из Петрограда в Москву я был назначен военным комиссаром штаба обороны Москвы, потом стал заместителем председателя Всероссийского бюро военных комиссаров. В эти дни как раз и возобновились наши дружеские связи с Михаилом Николаевичем». Здесь Николаю Николаевичу вполне можно доверять: в своих воспоминаниях он отнюдь не стремился преуменьшить значение своего знакомства с Тухачевским для успеха карьеры последнего (мы это еще увидим). С другой стороны, в силу занимаемых должностей Кулябко должен был быть осведомлен, где и когда начал служить Советам будущий «красный Наполеон».

Слова друга Тухачевского опровергают, в частности, созданную Романом Гулем легенду, будто еще в январе 1918-го, в петроградском Таврическом дворце, сразу после разгона Учредительного собрания, Кулябко, якобы уже тогда будучи членом ВЦИКа, встретился с Тухачевским, а через несколько дней отвел его в Смольный и рекомендовал для работы в военном отделе. Гуль даже приписывает Михаилу Николаевичу «историческую» фразу, одновременно слегка повышая его в чине: «Гвардии поручик Тухачевский бежал из германского плена, чтобы встать в ряды русской революции!» На самом деле IV Чрезвычайный съезд Советов, на котором Кулябко и стал членом ВЦИКа, проходил в Москве с 14 по 16 марта 1918 года. Очевидно, вскоре после съезда и произошла первая после многолетней разлуки встреча давних друзей. Ничего не пишет Николай Николаевич и о том, что Тухачевский по приезду в Москву остановился у него на квартире, на чем настаивают некоторые биографы маршала. Наоборот, Кулябко подчеркивает, что на службу в Военный отдел ВЦИКа Тухачевский поступил еще до их встречи, а не после.

Может быть, у молодого подпоручика был еще какой-то покровитель среди старых членов партии? Лидия Норд утверждает, что был – не кто иной, как вождь самарских большевиков Валериан Владимирович Куйбышев: «Судьба столкнула Тухачевского с Николаем Владимировичем Куйбышевым (братом Валериана, капитаном царской армии, впоследствии ставшим комкором Красной армии и расстрелянным в 1938 году в рамках чистки, начатой делом Тухачевского. – Б.С.) в 1918 году на вокзале в Москве. И эта случайная встреча определила даль-

нейшую судьбу маршала. Н.В. Куйбышев затащил его к себе и познакомил с братом. Старший Куйбышев, угадав и оценив незаурядную натуру Тухачевского, три дня уговаривал его примкнуть к большевикам. Он свел его со старшими офицерами, уже перешедшими к красным и, когда Тухачевский был завербован, В.В. Куйбышев использовал все свое влияние в партии, чтобы выдвинуть молодого поручика на ответственный военный пост. Он сам поручился за Тухачевского и нашел для него еще других поручителей».

Три дня, в течение которых Куйбышев-старший будто бы уговаривал Тухачевского перейти к большевикам, очень уж смахивают на сказочные «три дня и три ночи». Но в самой по себе встрече Михаила Тухачевского с Валерианом Куйбышевым ничего сверхъестественного нет. Куйбышев действительно находился в марте 1918 года в Москве (вполне вероятно – вместе с братом Николаем), участвуя в работе VIII Экстренного съезда партии, а потом в работе IV Чрезвычайного съезда Советов. И братья Куйбышевы, и Тухачевский были выходцами из интеллигентных дворянских семей, профессиональными военными (Валериан до революции учился в Военно-медицинской академии и всю жизнь серьезно интересовался военным делом) и легко могли найти общий язык. Правда, других свидетельств о столь раннем знакомстве Тухачевского с Куйбышевыми нет, а в очерке-некрологе «Друг Красной армии», посвященном памяти В.В. Куйбышева, Михаил Николаевич ничего не говорит о времени их знакомства. Но очень может быть, что именно куйбышевская рекомендация открыла Тухачевскому двери Военного отдела ВЦИКа, занимавшегося формированием только-только создававшейся Красной армии. И, вполне возможно, бывший гвардейский подпоручик действительно произнес там что-нибудь вроде того, что приписала ему фантазия Романа Гуля. Но вряд ли одной-двух революционных фраз было достаточно, чтобы обеспечить столь стремительный старт карьеры вчерашнего узника Ингольштадта. Нужна была чья-то серьезная протекция. По всей видимости, знакомства со старшим Куйбышевым и Кулябко вполне хватило для успешного начала службы советской власти.

Лидия Норд приводит рассказ-исповедь своего шурина о том, как и почему он начал служить в Красной армии: «Когда я попал в Петроград, у меня не было и мысли о переходе к большевикам. Все мои думы занимала армия, которая должна была восстановить порядок в стране и наказать немцев (которых Михаил Николаевич после тягот плена особенно не любил. – Б.С.). Я люто ненавидел Керенского и всех, кто развалил армию. По моему мнению, тогда было еще не поздно собрать силы и, сбросив Временное правительство, установить военную диктатуру. Когда я говорил об этом, мне рассеянно отвечали: «Да... Да... Это может спасти Россию...» Но я был только поручик, «щелкопер», и серьезно с моим мнением никто не считался. С генералитетом мне говорить не приходилось, но чем больше у меня было разных других встреч, тем сильнее было разочарование. В верхах были или потерянности, или словоблудие, а мы, молодые офицеры, полные сил и решимости, вынуждены были бездействовать и подвергаться унижениям. Питер был мне более чужд, чем Москва, и я надеялся, что в Москве другой дух, – уехал туда. Но там был такой же хаос и разброд мыслей.

Не думай, что мне было так уж легко избрать другой жизненный путь... Но когда я был у Куйбышевых, то я почувствовал, что меня там поняли и что мои планы о той армии, которые я вынашивал в плену, не казались им бредом безумца. Только старший Куйбышев подвел под эту армию другую основу. И как ни красноречив был Валериан Владимирович, но сознаюсь, в то время я очень мало разбирался в политике и понял только одно – тут люди не только живут своими идеями, но и действуют. Хотят они блага народу и порядка, а благо и спокойствие охраняются армией. Так это понимал и Николай Куйбышев. Как только я дал согласие, меня сразу же потащили по разным местам, и я убедился, что много старших офицеров и даже некоторые генералы избрали тот же путь, что и я. На душе сразу стало легче... Но тогда я совсем не рассчитывал на генеральскую должность, которую получил благодаря рекомендации Валериана Владимировича Куйбышева».

Своиченице Тухачевский объяснял свой переход к большевикам несколько иначе, чем ранее Ферваку, но в основном свидетельства двух мемуаристов не противоречат друг другу. Не исключено, что перед французским анархистом будущий маршал не считал нужным скрывать свой интерес к марксизму и Ленину, усиливающуюся готовность принять программу большевиков. А вот дворянке из «бывших», никаких симпатий к марксистской доктрине не испытывавшей, куда понятнее были патриотические мотивы службы коммунистам, как единственной реальной силе, способной возродить страну и армию, установить в перспективе спокойствие и порядок.

Вскоре после того, как Тухачевский устроился в Военный отдел ВЦИКа, произошло очень важное событие в его жизни – вступление в ряды РКП(б). Здесь тоже не обошлось без содействия Кулябко, а возможно, и Куйбышева. Правда, 5 апреля 1918 года, когда Тухачевского принимали в партию, Валериан Владимирович был уже в Самаре, но не исключено, что он еще раньше подобрал Михаилу других рекомендателей, помимо Кулябко. Николай Николаевич же так вспоминал об обстоятельствах, при которых бывший подпоручик и столбовой дворянин вступил в большевистскую партию: «Я видел, что он уже твердо стоит на позициях большевиков, слышал его восторженные отзывы о Владимире Ильиче и потому предложил ему вступить в ряды коммунистической партии. Михаил Николаевич Тухачевский был глубоко взволнован этим предложением. Он очень серьезно обдумал его и согласился. Вместе мы отправились в Хамовнический райком партии, который помещался тогда, кажется, на Арбате. Я дал М.Н. Тухачевскому устную рекомендацию и подтвердил ее письменно. Делал это без малейших колебаний, твердо веря, что, став коммунистом, Михаил Николаевич принесет еще большую пользу советской власти, которая очень нуждалась в преданных военных специалистах».

Столь раннее вступление в партию – на исходе пятого месяца советской власти – открыло перед Тухачевским большие перспективы. Ведь кадровых офицеров в партии тогда были считанные единицы (наиболее известные примеры здесь – В.А. Антонов-Овсеенко и Н.В. Крыленко). Возобновившееся же в феврале немецкое наступление и уже начавшаяся на окраинах Гражданская война требовали скорейшего возрождения регулярной армии. Тут как раз подвернулась оказия, о которой пишет Кулябко: «Во Всероссийском бюро военных комиссаров подбирались тогда кадры для так называемой Западной завесы (группировки войск, призванной защитить Центр России от возможного германского вторжения. – Б.С.). По моему предложению М.Н. Тухачевский был назначен военкомом Московского района Западной завесы. А когда на Волге вспыхнул мятеж белочехов, я имел случай доложить о Тухачевском В.И. Ленину. Владимир Ильич очень заинтересовался им и попросил привести «поручика-коммуниста». Сам Кулябко при разговоре Тухачевского с Лениным не присутствовал, но со слов друга передал содержание состоявшейся беседы с вождем: «Владимир Ильич сразу задал ему два вопроса: при каких обстоятельствах он бежал из немецкого плена и как смотрит на строительство новой социалистической армии? Тухачевский ответил, что не мог оставаться в плену, когда в России развернулись революционные события, и затем стал подробно излагать свои мысли о том, как соединить разрозненные красногвардейские отряды в настоящую регулярную армию».

В документах Совнаркома встречи Ленина с Тухачевским в апреле или мае 1918 года не зафиксировано. На этом основании часть историков вообще сомневается, что она состоялась. Однако надо иметь в виду, что в первые месяцы канцелярия Совета народных комиссаров была далека от бюрократического идеала 30-х годов и вряд ли на практике фиксировала все контакты главы правительства. Ленин вполне мог встретиться с Тухачевским, учитывая должность последнего – военный комиссар Московского района обороны, на территории которого и находился Совнарком и от устойчивости которого напрямую зависела судьба правительства. Если встреча, о которой писал Кулябко, все же состоялась, то благоприятное впечатление, про-

изведенное Михаилом Николаевичем на Владимира Ильича, могло способствовать тому, что Тухачевский получил ответственный командный пост на фронте борьбы с мятежным чехословацким корпусом, чье восстание в Поволжье, на Урале и в Сибири началось 25 мая.

Возможно, ко времени службы Тухачевского в Военном отделе ВЦИКа относится забавный случай, о котором рассказал Сабанеев: «Им был составлен проект уничтожения христианства и восстановления древнего язычества как натуральной религии. Докладная записка о том, чтобы в РСФСР объявить язычество государственной религией, была подана Тухачевским в Совнарком. Он явно издевался, но в Малом Совнаркоме его проект был поставлен на повестку дня и серьезно обсуждался. Тухачевскому только это и было нужно, он был счастлив, как школьник, которому удалась шалость». Подобная шутка ярко демонстрировала атеизм Тухачевского и наверняка пришлась по душе членам Совнаркома. По свидетельству Сабанеева, в другой раз Тухачевский вместе со своим преподавателем музыки Н.С. Жилиевым «сочинил нечто вроде «большевицкой мессы», какого-то марксистского служения, названного ими «марксистская файв-о-клокия». По всей видимости, это была какая-то шуточная молитва, столь же обязательная для правоверных большевиков к ежедневному исполнению, как для британцев традиционный чай в пять часов вечера – «файв-о-клок». Это пародирование христианской религии должно было импонировать многим большевикам и делало комиссара-богохульника из дворян «своим».

Да-да, я не оговорился. Тухачевскому пришлось поработать и комиссаром, правда короткое время. С 27 мая он в качестве военного комиссара надзирал за деятельностью военного руководителя Московского района обороны бывшего генерала императорской армии А.К. Байова, известного военного теоретика. За генералом действительно нужен был глаз да глаз – позднее он перешел к белым и эмигрировал. Но Тухачевского рядом с ним уже не было. «Подпоручик-коммунист» очень скоро получил новое назначение. 19 июня 1918 года он был направлен на самый опасный в тот момент для советской власти Восточный фронт со следующим мандатом: «Предъявитель сего военный комиссар Московского района Михаил Николаевич Тухачевский командирован в распоряжение главкома Восточного фронта Муравьева для использования работ исключительной важности по организации и формированию Красной армии в высшие войсковые соединения и командования ими». 27 июня Тухачевский прибыл из Казани, где располагался штаб фронта, на станцию Инза, чтобы вступить в должность командующего 1-й Революционной армией. Эту армию еще только предстояло сформировать из разрозненных отрядов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.